4704
/80

Карлъ Каутскій.

DA950
.K3817
1903

a 00002 982936

Ирландія.

Культурно-историческій очеркъ.

(Переводъ съ нѣмецкаго И. Б.).

IRLANDIIA ; kul'turno-
istoricheskiĭ ocherk

Изд. „Донская Рѣчь"
Парамонова
въ Ростовѣ н-Д.

Дозволено цензурою 20 ноября 1903 г. Ростовъ на-Дону

Ирландія.

Трудно себѣ представить какимъ могучимъ агитаторомъ является голодъ, какъ глупо изголодавшемуся проповѣдывать терпѣніе, какъ неразумны всѣ попытки наполнить пустой желудокъ человѣка прекрасными рѣчами!.. Господа, сидящіе въ Лондонѣ у кормила правленія, вмѣсто придумыванія спеціальныхъ законовъ для подавленія возстаній въ Ирландіи, лучше-бы сдѣлали, ознакомившись съ отчетами очевидцевъ ирландской нищеты. А изъ отчетовъ этихъ не только видно, что аграрное движеніе въ Ирландіи неизбѣжно должно было начаться, но приводимые въ нихъ факты заставляютъ удивляться тому, что оно не началось гораздо раньше. Едва ли существовала въ Европѣ какая-либо другая страна, въ которой-бы господствовала нищета сколько нибудь похожая на Ирландскую, страна въ которой-бы нищета такъ глубоко и безпрерывно истощала жизнь народа въ теченіе болѣе тысячелѣтія. Еще и донынѣ не устарѣло описаніе этой жалкой страны, оставленное намъ Теккереемъ: «На западѣ и на югѣ Ирландіи всюду передъ путешественникомъ встаетъ призракъ

Предлагаемая читателю статья извѣстнаго нѣмецкаго экономиста написана четверть вѣка назадъ. Несмотря на то что за это время въ жизни Ирландіи многое измѣнилось, очеркъ Каутскаго не утратилъ еще интереса, такъ какъ въ немъ авторъ даетъ не только яркую картину бѣдствій Ирландіи, но и ключъ къ пониманію причинъ этихъ бѣдствій и условій ихъ устраненія.

Примѣчаніе издателя.

голода. У этого народа это не исключеніе, а *правило.* Въ этой прекраснѣйшей и богатѣйшей странѣ люди милліонами страдаютъ и умираютъ отъ голода; и въ эту минуту тысячи изъ нихъ лежатъ, вытянувшись у пороговъ своихъ хижинъ, безъ работы, почти безъ пищи и повидимому безъ надежды. Здоровые батраки лежатъ въ постели «изъ за голода», потому-что у лежащаго человѣка нѣтъ такой потребности въ пищѣ, какъ у находящагося на ногахъ. Многіе изъ нихъ вырыли въ своемъ маленькомъ огородѣ еще недозрѣвшій картофель и живутъ теперь въ ожиданіи зимы, когда имъ помимо голода придется переносить, еще и холодъ».

Это, достойное состраданія, положеніе большой страны, должно обратить на нее взгляды всѣхъ друзей человѣчества, и поэтому появленіе въ свѣтъ этой брошюры, цѣлью которой является ознакомленіе широкихъ слоевъ общества съ современнымъ положеніемъ и исторіей Ирландіи, было-бы своевременно, даже и въ томъ случаѣ, если-бы ирландское аграрное движеніе и не было жгучимъ вопросомъ дня, дѣлающимъ это знакомство необходимымъ для каждаго соціолога и политика.

Ирландскія общественныя отношенія такъ своеобразны, такъ отличаются отъ германскихъ, что правильное сужденіе объ ирландскомъ движеніи можетъ сказать только тотъ, кто изучилъ эти отношенія. Было-бы крайне ошибочно, если-бы онъ сталъ судить о нихъ по аналогіи съ политическими и соціальными отношеніями, господствующими въ центральной Европѣ. Уже одинъ внѣшній обликъ Ирландіи, покрытый руинами покинутыхъ домовъ, совершенно чуждъ цивилизованной Европѣ. Число этихъ заброшенныхъ домовъ составляло въ 1841 году 52,208, въ 1851 г, 65,519. Несчастныхъ обитателей ихъ лендлордъ прогналъ на чужбину, потому что они не могли выработать арендной платы. Еще въ 1850 году число выселенныхъ арендаторовъ достигало 74,171-го. Гладстоновскій

билль о лендлордахъ и арендаторахъ 1870-го года пытался покончить съ этимъ порядкомъ вещей, но, какъ это теперь ясно, не достигъ цѣли. Но и жилые дома имѣютъ видъ нисколько не привлекательнѣе заброшенныхъ. Четыре стѣны изъ сухой глины, соломенная крыша, въ крышѣ дыра вмѣсто дымовой трубы, если для этой цѣли не служитъ дверь; таковъ домъ, въ единственной комнатѣ котораго живетъ вся семья. У скуднаго огня сидятъ пять—шесть полуголыхъ дѣтей и пекутъ въ золѣ нѣсколько картофелинъ, подлѣ валяется, хрюкая, свинья—(признакъ большого достатка)—единственное существо, чувствующее себя хорошо въ этой грязи. Прибавимъ къ этому небольшое засѣянное картофелемъ поле, и вотъ все достояніе ирландскаго фермера. Рѣдко у него бываетъ хорошій сюртукъ, обыкновенно, что для двухъ человѣкъ служитъ одинъ и тотъ-же полный костюмъ, поэтому, что-бы дать возможность религіозному ирландцу явиться въ церковь прилично одѣтымъ, священникъ по воскресеньямъ служитъ мессу нѣсколько разъ. Все рабочее населеніе Ирландіи питается картофелемъ, и только на Рождество ирландецъ позволяетъ себѣ употребленіе мяса. Одни ѣдятъ картофель три раза въ день—это избранники; другіе—два раза; и только тѣ, которые въ теченіе цѣлаго дня одинъ разъ ѣдятъ картофель, считаются бѣдными, хотя все еще не самыми бѣдными, такъ какъ есть и такіе, которые въ теченіе одного-двухъ дней почти ничего не ѣдятъ. И это въ «хорошія» времена.

Почти каждый годъ въ Ирландіи бываетъ голодъ, начинающійся обыкновенно въ срединѣ апрѣля, когда кончается запасъ картофеля, и продолжающійся до августа, когда созрѣваетъ новый. Въ одномъ 1817 г. умерло отъ нищеты и голода 65,000 человѣкъ, заболѣло лихорадкой, по той-же причинѣ—полтора милліона! Комиссары большой переписи 1835 года насчитываютъ приблизительно 3 милліона человѣкъ, живущихъ въ самой крайней нищетѣ, четвертый-же милліонъ не былъ присчитанъ къ этимъ тремъ

только потому, что они не умирали съ голоду въ буквальномъ смыслѣ этого слова. Въ 1832 году епископъ Дойль, будучи спрошенъ, каково теперь положеніе народа, отвѣчалъ: «онъ умираетъ съ голоду, какъ обыкновенно»...

Густавъ де-Бомонъ, изъ прекраснаго труда котораго объ Ирландіи (L'Irlande sociale, politique, réligieuse. Paris 1840) взяты многіе изъ приведенныхъ фактовъ,—во время пребыванія своего въ этой несчастной странѣ — (съ 1835 по 1837 г.)—констатировалъ между прочимъ, что изъ 11.761 жит. церковнаго прихода Ньюпортъ Прата—9838 не имѣли другой постели, кромѣ соломы, изъ нихъ 7531 чел., не имѣя кроватей, спали на землѣ. Изъ 206 жителей Дэрри Лакенъ только 39 имѣли теплую одежду, остальнымъ предстоялъ выборъ между смертью отъ голода или отъ холода.

Съ наступленіемъ голода въ Ирландіи повышается цѣна исключительно на картофель; спросъ на пшеницу не возростаетъ, потому что и при обыкновенной цѣнѣ она недоступна для ирландскаго пролетарія. Ирландская пшеница поэтому въ голодные годы не дороже чѣмъ въ урожайные; ее вывозятъ въ большомъ количествѣ въ то время, когда ирландцы мрутъ отъ голода.

Съ особенной очевидностью, обнаружилось это въ 1821 году; но и въ неурожайные 1846—48 годы, въ то время какъ ирландцы сотнями умирали отъ голода, было вывезено изъ Ирландіи:

	Пшеницы:		Пшеничной муки:
1846 г.	1.625,000 квартеровъ*)	—	1.278,000 центнеровъ**)
1848 г.	1.325,919 „	—	1.497,000 „

Кромѣ хлѣба было вывезено значительное количество убойнаго скота, и опять-таки въ голодные годы

*) Квартеръ равняется 31 русскому фунту.

**) Центнеръ равняется 3 пудамъ 4 фунтамъ (124 фунта).

больше обыкновеннаго. Вывозъ Шотландіи и Ирландіи составлялъ:

Въ 1846 г.

рогатаго скота . . . 186.486 головъ
телятъ . . . . . 6.363 »
овецъ . . . . . 259.257 »
свиней . . . . . 480.827 »

а съ 5 іюля 1847 г. по 5 апрѣля 1849 г.

рогатаго скота . . . 419.987 головъ
телятъ . . . . . 17.957 »
овецъ . . . . . 615.050 »
свиней . . . . . 244.187 »

Взамѣнъ этаго умирающіе отъ голода ирландцы получали мануфактурные товары, желѣзо и каменный уголь.

Впрочемъ, не ирландцы получали все это, а владѣльцы земель, которые забирали себѣ пшеницу и скотъ, чтобы продать ихъ за предѣлами Ирландіи и этимъ покрыть всѣ свои издержки. Какое впечатлѣніе на ряду со всеобщими жалобами производитъ это на безпристрастнаго человѣка, показываетъ изслѣдованіе де-Бомона, совершенно чуждаго какой-либо партійности. «Существуетъ нищета», говоритъ онъ, потрясенный зрѣлищемъ ирландской жизни, «которая настолько ниже человѣческаго достоинства, что человѣческій языкъ не обладаетъ словами для изображенія ея».

Писатель этотъ передаетъ видѣнные имъ сцены скорби и безутѣшнаго горя; онъ слышалъ рыданія, крики отчаянія, онъ чувствовалъ боль въ голосѣ несчастной матери, которая должна была отказать въ кускѣ хлѣба умирающему отъ голода ребенку.

И, если все это потрясло человѣка, объѣзжавшаго страну просто, какъ состоятельный-путешественникъ, человѣка бывшаго простымъ зрителемъ—какъ долженъ былъ смотрѣть на голоданіе своихъ братьевъ отчаявшійся ирландецъ, на голоданіе, происходящее по волѣ лендлорда, который выгналъ ихъ изъ дому, со двора за неплатежъ аренды.

Предоставимъ англійскимъ министрамъ призывать ирландцевъ къ спокойствію и благоразумію; тѣ же, кто печалуется о судьбѣ Ирландіи, зададутся вопросомъ: отчего происходитъ эта безграничная нищета и какъ бороться съ нею?

Мы, конечно, не предложимъ этого вопроса англійскому политику, который просто-на-просто отвѣтитъ намъ, что «безпримѣрная нищета ирландцевъ находится въ прямой зависимости отъ чрезмѣрнаго роста народонаселенія, и ничего не можетъ быть наивнѣе ожиданія дѣйствительно прочнаго улучшенія ихъ положенія, пока не будетъ значительно задержанъ приростъ населенія». (Макъ-Кулохъ).

Этимъ отвѣтомъ мы не можемъ удовлетвориться въ виду того факта, что, въ то время какъ населеніе «благоразумной» Англіи съ 1841 года до настоящаго времени (1880 г.) съ 16 милліоновъ возросло до 25 мил., населеніе «легкомысленной» Ирландіи въ тотъ же періодъ времени *уменьшилось* съ восьми милліоновъ до двухъ. Въ 1880 г. въ Ирландіи было столько же жителей, сколько въ 1801 г., когда въ Англіи было немного больше трети ея теперешняго населенія, а именно 8.900.000 человѣкъ.

Стало быть ростъ населенія въ Англіи значительно быстрѣе, чѣмъ въ Ирландіи, гдѣ голодные годы и сильная эмиграція въ теченіе 30 лѣтъ уменьшили населеніе страны на 3 мил. человѣкъ. Можно предположить, что рождаемость въ Ирландіи очень велика и уравновѣшивается соотвѣтственно большею смертностью; но и этого нѣтъ въ дѣйствительности. Одно рожденіе приходилось.

Въ Ирландіи въ 1850 г. на 31,0 д.; — въ Англіи на 28,6 д.
» » » 1864 » » 41,6 » » » » 28,1 »
» » » 1871 » » 35,6 » » » » 28,4 »

Слѣдовательно въ Ирландіи одно рожденіе приходится на большее число душъ, чѣмъ въ Англіи.

И такъ мы видимъ къ чему сводится это слишкомъ быстрое увеличеніе населенія Ирландіи. Далѣе, мы выше упомянули, что Ирландія вывозитъ жизненные продукты;

значитъ ежегодное производство ихъ достаточно, чтобы удовлетворить потребностямъ жителей этой страны. Слишкомъ ничтожна лишь сила народа для того, чтобы удержать въ странѣ произведенія его собственнаго труда. Недостаточны для пропитанія ирландскаго рабочаго не результаты его труда, а степень его участія въ пользованіи этими результатами.

Изслѣдованіе причины этого явленія, требуетъ во всякомъ случаѣ болѣе серьезнаго отношенія, чѣмъ это мы видимъ у упомянутыхъ выше англійскихъ политиковъ и экономистовъ. Они просто лишь констатируютъ, что Ирландія слишкомъ густо населена, точнѣе *была* густо населена; далѣе они констатируютъ, что тамъ свирѣпствуетъ нужда, и съ легкимъ сердцемъ заключаютъ изъ этихъ двухъ фактовъ: перенаселенность является причиной ирландской бѣдности.

Кратчайшій путь однако не всегда наилучшій. Мы скорѣе достигнемъ намѣченной нами цѣли—выяснить причины ирландскихъ бѣдствій — избравъ болѣе длинный и болѣе трудный, но зато и болѣе благодарный путь: путь изслѣдованія историческаго развитія Ирландіи. Такова наша ближайшая задача.

Основаніе теперешнему положенію Ирландіи было положено буллою папы Адріана IV, объявившаго въ 1156 году, что онъ «даритъ» Ирландію англійскому королю Генриху II; этотъ послѣдній въ свою очередь, воспользовался внутренними смутами въ «подаренной» ему странѣ, для того, чтобы «присоединить» ее (въ 1169 г.).

Легко было нашествіе, но трудно завоеваніе. Дѣленіе страны на множество мелкихъ королевствъ, правда, лишало ее возможности соединенными силами прогнать врага—но эта же раздробленность не давала возможности и нападающему однимъ ударомъ покорить всю страну. Каждый округъ приходилось отдѣльно завоевывать, центральнаго же пункта, со взятіемъ котораго было бы закончено за-

воеваніе – не существовало. Четыре столѣтія продолжалась ожесточенная борьба, и только лишь Яковъ I, (король Англіи), могъ провозгласить себя и королемъ всей Ирландіи.

Если всякое пораженіе само по себѣ вселяетъ побѣжденному чувство ненависти къ побѣдителю—то чувство это должно было быть особенно сильно послѣ четырехсотлѣтней почти непрерывной и безпощадной завоевательной войны. Короли умышленно подстрекали англо-нормановъ противъ ирландцевъ, чтобы не создать себѣ опаснаго соперника въ лицѣ новой «окраины», какъ называли Ирландію. Ирландія была слишкомъ далеко, чтобы король могъ имѣть сколько-нибудь значительное вліяніе на ея судьбы, но достаточно близко, чтобы являться постоянной угрозой Англіи. Поэтому преднамѣренно разжигалась ненависть между побѣдителями и побѣжденными, чтобы изъ Ирландіи не выросло бы крѣпкое сплоченное государство (Gemeinwesen). Особенно ясно стремленіе поселить разладъ между англичанами и ирландцами выразилось въ пользующемся дурною славою статутѣ Кильценни, изданномъ парламентомъ, состоявшимъ изъ ставленниковъ Эдуарда III. Этимъ актомъ подъ угрозой смертной казни воспрещалось англичанамъ вступать въ бракъ съ ирландцами, составлять съ ними общества, жить согласно ихъ обычаямъ. Каждаго англичанина, который носилъ ирландское платье, отпускалъ усы, подобно ирландцамъ, носилъ цвѣтной кафтанъ, принималъ туземное имя и говорилъ на ирландскомъ языкѣ—ожидала конфискація имущества и тюрьма. Англичанинъ, разрѣшившій своему сосѣду ирландцу пасти на своей землѣ скотъ, преслѣдовался закономъ за это «преступленіе». Ирландцы не могли занимать никакой государственной должности. Еще Эдуардъ IV велѣлъ казнить графа Десмонда, воспользовавшись легальнымъ предлогомъ — женитьбой графа на ирландкѣ, — тогда какъ истинной причиной было то, что графъ былъ на сторонѣ Ланкастеровъ.

Если мы присоединимъ ко всему этому то, что англо-норманы перенесли сюда изъ Англіи феодальное хозяйство, свободному развитію котораго здѣсь не препятствовала сильная королевская власть, — что на ряду съ расовой борьбой здѣсь должны были безмятежно распространяться всѣ ужасы феодальнаго самоуправства—тогда передъ нами со всею ясностью встанетъ картина того плачевнаго положенія Ирландіи, которое явилось первопричиной современной нищеты. — Но то-ли еще было въ послѣдствіи! Еще не закрылись раны, угрожавшія несчастной странѣ истеченіемъ кровью, какъ ей были нанесены новыя, еще болѣе глубокія, болѣе мучительныя. За четырехсотлѣтними ужасами завоевательной войны и феодализмомъ слѣдовали жестокости религіознаго фанатизма, въ теченіе полутора столѣтія—отъ 1535—1680 г.—принесшаго Ирландіи больше несчастій и нищеты, чѣмъ тридцатилѣтняя война—принесла Германіи, гугенотскія войны—Франціи, инквизиція—Испаніи.

У либеральничающихъ историковъ нашихъ дней вошло въ моду, всѣ совершенныя въ тѣ времена злодѣянія сваливать на римскую церковь. Но безпристрастный наблюдатель долженъ придти къ тому заключенію, что фанатизмъ протестантовъ свободно могъ бы сравниться съ фанатизмомъ католиковъ; многое объ этомъ можетъ разсказать Ирландія. Кто принадлежалъ къ одной церкви, для того задачею жизни было работать надъ уничтоженіемъ другихъ церквей. Такъ совѣсть протестантовъ-англичанъ заповѣдала имъ искоренить въ Ирландіи «папское идолопоклонство» и вмѣсто него зажечь «чистый свѣточъ» реформаціи. Ирландцы должны были съ негодованіемъ относиться къ этимъ попыткамъ: у нихъ хотѣли отнять ихъ родную религію тѣ же самые господа, которые казнили своихъ гражданъ за общеніе съ ними, которые насмѣшками, надругательствами оскорбляли самыя святыя ихъ чувства, въ теченіе столѣтій, обращались съ ними какъ съ собаками, топтали ихъ ногами въ грязь... Англійскій

король былъ ихъ смертельнымъ врагомъ, а новая религія провозглашала первымъ символомъ вѣры главенство этого короля надъ церковью. И если бы еще были сдѣланы попытки *привлечь* ирландцевъ къ протестантству! Вмѣсто того, чтобы дать народу учителей—удовольствовались установленіемъ обширной іерархіи протестантскихъ архіепископовъ, епископовъ и ректоровъ, которые ничего не дѣлали и за это бездѣльничанье получали добро, награбленное у любимой и чтимой ирландцами католической церкви.

Ирландцы не отрекались добровольно отъ «антихриста», и поэтому, согласно тогдашнему обычаю, необходимо было силой отнять у дьявола души этихъ закоснѣлыхъ людей. У Генриха VIII и Елисаветы не было недостатка энергіи для этого святого дѣла; и результатомъ всего этого явилось не обращеніе Ирландіи въ протестантство, а разореніе ея, такъ какъ борьба велась съ невѣроятнымъ упорствомъ, до полнаго истощенія силъ обѣими сторонами.

Ирландія была превращена въ пустыню, въ которой царили голодъ и смерть. «Страна»,—разсказываетъ Голингшедъ, прежде плодородная, богатая, густо населенная, благословенная богатыми пастбищами, хлѣбами и скотомъ—покинута, опустошена; нѣтъ плодовъ, нѣтъ хлѣба на поляхъ, скота на пастбищахъ, птицъ въ выси, нѣтъ рыбъ въ ручьяхъ: однимъ словомъ, проклятіе неба тяготѣетъ надъ этой страной и можно пройти ее изъ конца въ конецъ, не встрѣтивъ ни одного мужчины, ни женщины, ни ребенка.

Гоненія и война были плохою пропагандою «новаго свѣточа», и пришлось поэтому прибѣгнуть къ инымъ средствамъ. Кто не былъ обращенъ въ протестанство, вынужденъ былъ умереть отъ голода. Елисавета впервые стала примѣнять ту достойную проклятія систему, которая съ особою любовью примѣнялась ея пріемниками, гдѣ возможно, въ еще болѣе широкихъ размѣрахъ, систему являющуюся, конечно, главною виновницею бѣдъ современной Ирландіи: это была система массовыхъ конфискацій. Ирланд-

цевъ просто-на-просто выгоняли изъ ихъ владѣній, которыя передавали протестантамъ... Это былъ наглый грабежъ. Англія сорвала послѣднюю рубашку со своего сосѣда; а когда сосѣдъ этотъ жалуется на нищету, она отвѣчаетъ ему, что онъ самъ виноватъ въ этомъ, ибо нищета его явилась слѣдствіемъ его «легкомыслія», въ производствѣ на свѣтъ слишкомъ обильнаго потомства.

Возстаніе лорда Десмонда, подало Елисаветѣ желанный поводъ въ одной лишь провинціи Мюнстеръ конфисковать «только» 600.000 акровъ*). Въ Англіи была обнародована прокламація, которою земля предлагалась всѣмъ желающимъ на опредѣленныхъ условіяхъ, первымъ изъ которыхъ было: не имѣть ни одного работника, ни одного арендатора ирландскаго происхожденія. Такимъ образомъ 200.000 акровъ были распредѣлены между англичанами, а коренные владѣльцы должны были влачить свое жалкое существованіе въ непроходимыхъ лѣсахъ или на горныхъ высотахъ. Съ этого же времени и начинается «переселеніе» Ирландіи, которое существуетъ и понынѣ, несмотря на всѣ эмиграціи и будетъ существовать до тѣхъ поръ, пока народу не возвратятъ его владѣній**).

Пріемникъ Елисаветы — Яковъ I — былъ не менѣе ея склоненъ къ грабежу; онъ воспользовался мнимымъ заговоромъ трехъ ирландскихъ князей Тиронскаго, Тирконнеля и Догертси, чтобы конфисковать принадлежащія имъ шесть сѣверныхъ графствъ съ 500.000 акровъ земли. Помѣстья эти получили англичане и шотландцы. Когда же ирландцы не такъ скоро подали поводъ къ новымъ конфискаціямъ, сребролюбивый Стюартъ придумалъ другой способъ: онъ велѣлъ конфисковать всѣ земли, права владѣнія на которыя были не въ порядкѣ. Такимъ образомъ ему были предоставлены почти всѣ ирландскія владѣнія, благодаря сильному разстройству и необезпеченности, порожденной го-

---

*) Акръ равенъ 900 кв. саж.

**) Это признаетъ и Д. С. Милль (Политическая экономія т. I).

сподствовавшей, въ Ирландіи анархіей.

Цѣлая свора «мужей закона» бросилась на добычу и перерыла всѣ древніе пергаменты. Все, что хотѣлъ король—бралъ у католиковъ и отдавалъ протестантамъ.

Карлъ I поступалъ ничуть не лучше своего вѣнценоснаго отца. Жертвой своей онъ выбралъ пощаженную до тѣхъ поръ провинцію Коннаутъ. Солдаты и юристы были собраны, чтобы превратить беззаконіе въ законъ. Но, такъ какъ положеніе Карла въ Англіи становилось шаткимъ, и онъ долженъ былъ обезпечить за собой вѣрность своихъ ирландскихъ подданныхъ, то онъ отложилъ конфискацію до болѣе удобнаго случая. Однако эта сдержанность мало помогла бѣднымъ ирландцамъ, такъ какъ вскорѣ не Карлъ, а парламентъ былъ королемъ Англіи. Фанатическіе пуритане, имѣвшіе въ парламентѣ большинство, правда, были хорошими республиканцами, но еще лучшими протестантами, и поэтому съ легкимъ сердцемъ постановили уничтожить народъ за его вѣроисповѣданіе.

Но ирландцы предупредили нападеніе; они не были достаточно благоразумны, чтобы, подобно овцамъ, покорно итти на закланіе, и въ октябрѣ 1846 г. возстали подъ предводительствомъ О'Нелля. Точно опредѣлить поводъ къ этому возстанію—трудно. Были ли ирландцы нападающей стороной или на нихъ напали, но они съ яростью отчаянія бросились на своего врага. Сначала ихъ образъ дѣйствій былъ умѣренный, они безъ излишняго насилія возвращали себѣ обратно отнятыя у нихъ владѣнія; но успѣхъ и сопротивленіе возбуждали долго затаенныя страсти, и инсургенты поклялись не оставить живымъ въ странѣ ни одного англичанина. Цыфра изрубленныхъ тогда протестантовъ колеблется—въ зависимости отъ принадлежности историка къ той или другой партіи — между 12.000 и 100.000. Можно было-бы подавить возстаніе въ зародышѣ, но серъ Вилліямъ Пэрсонъ и его товарищи старались, наоборотъ, раздуть его и увеличить число виновныхъ, чтобы пожать болѣе обильную жатву отъ конфискацій.

Англія, конечно, была возмущена. Она предпочла бы уничтожить всѣхъ до единаго ирландцевъ, чѣмъ терпѣть долѣе католицизмъ. Огромная сумма денегъ была взята взаймы парламентомъ, и для этой цѣли заранѣе были заложены всѣ владѣнія католиковъ въ Ирландіи. Два съ половиною милліона акровъ послужили залогомъ. Правительство запретило щадить ирландцевъ. Комиссары парламента давали арміи слѣдующія инструкціи: «Повелѣвается всѣхъ бунтовщиковъ ловить, казнить, убивать, уничтожать; такъ же поступать и съ ихъ родственниками и соучастниками; всѣ укрѣпленныя мѣста, города, дома, гдѣ бунтовщики находятъ себѣ убѣжище или гдѣ ихъ укрываютъ—сносить до основанія, сжигать, разрушать, опустошать; грабить и уничтожать всякимъ другимъ способомъ, такъ же какъ и всякіе запасы хлѣба или сѣна, гдѣ бы они ни находились; убивать и уничтожать всѣхъ способныхъ носить оружіе мужчинъ».

Карлъ I былъ казненъ своимъ народомъ, и республика пуританъ открыто заявила, что она хочетъ не покорить Ирландію, она хочетъ ее уничтожить. Кромвель назначается въ 1649 году начальникомъ англійской арміи въ Ирландіи и приказываетъ уничтожить мечомъ «злодѣевъ и идолопоклонниковъ».

Еще и по сей день ирландцы разсказываютъ легенды о томъ, какъ онъ убивалъ всѣхъ мужчинъ въ возрастѣ отъ 16 до 60 лѣтъ, отсѣкалъ руки всѣмъ дѣтямъ отъ 6 до 16-ти-лѣтняго возраста, *клеймилъ груди женщинъ*.

Дѣйствительность ушла не далеко отъ этой легенды. Плѣнныхъ Кромвель безъ милосердія приказывалъ закалывать. Въ Дрогедѣ и въ Эксфордѣ было изрублено все населеніе, хотя передъ сдачей онъ обѣщалъ даровать осажденнымъ жизнь. Фанатизмъ столкнулся съ фанатизмомъ: съ обѣихъ сторонъ самый слѣпой, самый дикій, самый безумный фанатизмъ—религіозный, національный. Жестокости Кромвеля въ его борьбѣ съ ирландскими католиками достойны стоять рядомъ съ парижскою кровавою свадьбою

(Варфоломеевскою ночью). На эти жестокости нужно указать тѣмъ лицемѣрнымъ протестантскимъ піэтистамъ, которые, желая выставить свою вѣру въ лучшемъ свѣтѣ, указываютъ на злодѣянія римско-католической церкви.

Ирландія снова побѣждена. За убійствами мечомъ слѣдовали убійства «правосудіемъ». Правда, мало осталось людей, которыхъ можно было бы судить,—большинство погибло отъ меча, чумы, голода, или спаслось бѣгствомъ,—но и тѣ немногіе, что остались—должны были исчезнуть съ лица земли Ирландіи, такъ какъ Кромвель поставилъ себѣ великую, вполнѣ опредѣленную цѣль: сдѣлать Ирландію всецѣло англійской, вторымъ Норфолькомъ или Іорк-широмъ *). Такая «великая» цѣль требовала, конечно, примѣненія чрезвычайныхъ средствъ. Характерно для суда, осудившаго оставшихся «бунтовщиковъ», его названіе «бойней Кромвеля», которымъ окрестилъ его народъ.

Но что же было дѣлать съ *невиновными?* И вотъ былъ придуманъ чудовищный планъ:—сослать все католическое населеніе Ирландіи въ Вестъ-Индію! Маколей полагаетъ, что «при рѣдкомъ населеніи Ирландіи—этотъ планъ былъ осуществимъ, и по всему очевидно, что эта политика была бы увѣнчана успѣхомъ, если бы продолжали придерживаться ея въ теченіе только (!) пятидесяти лѣтъ» **). На дѣлѣ же оказалось, что не такъ легко разогнать и уничтожить даже и «рѣдкое» населеніе, чтобы покончить съ этимъ дѣломъ «только» въ 50 лѣтъ. Въ добромъ желаніи осуществить Кромвелевскій планъ—ужъ воистину недостатка не было; его осуществляли съ крайнею жестокостью и безпощадностью. Однажды даже отняли у родителей 1.000 молодыхъ ирландокъ и отправили ихъ въ Ямайку, гдѣ они были проданы, какъ невольницы. Когда же, наконецъ, осуществленіе плана было оставлено —по самымъ *высокимъ* цифрамъ—было сослано «только»

---

*) Маколей—Сэръ Вильямъ Темпль.

**) Маколей—Сэръ Вильямъ Темпль.

100.000 ирландцевъ; «только» 500.000 человѣкъ съ 1641 по 52 гг. въ Ирландіи стали жертвою гражданской войны, если вѣрить исчисленіямъ сэра Вильяма Петти, и все-таки, несмотря на всѣ старанія Кромвеля, несмотря на массовое истребленіе католиковъ и такое же массовое переселеніе протестантовъ изъ Англіи въ Ирландію—восемь ирландцевъ приходились на одного протестанта. Поэтому есть полное основаніе сомнѣваться, въ томъ, что даже и пятьдесятъ лѣтъ убійствъ и ссылки — могли бы привести къ полному изсчезновенію кельтовъ изъ Ирландіи.

Въ невозможности этого убѣдились англичане временъ Кромвеля очень скоро, и послѣ того какъ ссылка была отмѣнена, они рѣшили всему кельтскому населенію предоставить одну провинцію. Рѣшеніе это не осталось только на бумагѣ: подъ страхомъ смертной казни ни одинъ ирландецъ-католикъ не смѣлъ показываться за предѣлами провинціи Коннаутъ; правый берегъ Шанона былъ границей на югѣ провинціи, переходъ черезъ которую наказывался смертью. Чтобы держать въ ежовыхъ рукавицахъ это скученное на небольшомъ пространствѣ населеніе — центры городовъ были заселены протестантами, при чемъ прежніе обитатели ихъ—католики—были изгнаны. Отсюда «техническое выраженіе» — очистка города — (claering the town). Три другія провинціи—Лейнстеръ, Мюнстеръ и Ульстеръ—съ общею площадью въ 15.800,000 акровъ — были предоставлены протестантамъ. Спекулянты, ссужавшіе парламентъ деньгами, и солдаты Кромвеля — получили львиную долю въ этомъ грабежѣ.

«Туземное племя вынуждено было отступать передъ форпостами англо-саксонскаго племени, подобно тому, какъ американскіе индѣйцы или южно-африканскія племена должны были очищать мѣста бѣлымъ колонистамъ. Тѣ ужасныя явленія, которыя почти неизмѣнно наблюдаются во всѣхъ колоніяхъ, основанныхъ въ варварскихъ странахъ цивилизованными народами, но которыя извѣстны европейскимъ народамъ по даннымъ, идущихъ издале-

ка ненадежныхъ источниковъ, — эти явленія обнаружились теперь на глазахъ у всѣхъ. Часто изъ устъ англійскихъ колонистовъ Лейнстена и Мюнстера приходилось слышать слова «истребленіе», «уничтоженіе до основанія»;— слова ужасныя, но, при всемъ своемъ ужасѣ, заключающія въ себѣ больше мягкости, чѣмъ иныя изъ тѣхъ кроткихъ выраженій, которыя съ того времени получили крещеніе въ университетахъ и санкцію—въ парламентѣ. Вѣдь, дѣйствительно, гораздо человѣчнѣе однимъ ударомъ уничтожить сто тысячъ человѣческихъ существъ, и образовавшуюся пустошь заселить справедливо управляемымъ населеніемъ, чѣмъ въ теченіе многихъ поколѣній подчинять милліоны — ужасному управленію. Мы скорѣе прощаемъ самыя ужасныя свирѣпости, употребленныя для достиженія великой цѣли, чѣмъ безконечный рядъ гнусныхъ издѣвательствъ и преслѣдованій, не имѣющихъ никакой цѣли»*).

Ирландія претерпѣла ужасныя звѣрства, но ей суждено было перенести еще и безконечный рядъ гнусныхъ и безцѣльныхъ преслѣдованій.

Республика была низвергнута, и Карлъ II вступилъ на тронъ, который стоилъ головы его отцу. Карлъ былъ другомъ католиковъ, но... онъ былъ англичаниномъ. Поэтому, хотя онъ и прекратилъ преслѣдованія католиковъ, онъ все же не рѣшался возвратить ирландцамъ ихъ достоянія. Мало того, онъ самъ принялъ участіе въ конфискаціяхъ и одарилъ своихъ фаворитовъ тѣмъ добромъ, которое было отнято его врагами у его друзей. Ормондъ получилъ конфискованныя имущества, приносившія 70 тысячъ фунтовъ стерлинговъ дохода;—и «подарокъ» герцогу Іоркскому былъ не меньше этого. Каждый до послѣдняго придворнаго получилъ кусокъ земли.

«Каждый король Англіи въ XVII столѣтіи», говоритъ Бомонъ, «долженъ былъ отказаться отъ справедливости и

*) Маколей—Сэръ Вильямъ Темпль.

человѣчности въ отношеніи къ одной части своихъ подданныхъ, чтобы имѣть возможность управлять другою частью».

Это подтвердилось тотчасъ при пріемникѣ Карла II, его братѣ Яковѣ II. Покровительствуя «папизму», онъ вооружилъ противъ себя англичанъ и пріобрѣлъ симпатіи ирландцевъ; и, когда англичане возстали противъ него и посадили на тронъ его зятя Вильгельма Оранскаго, вокругъ изгнаннаго Якова собрались ирландскіе католики. Еще разъ разгорѣлась отчаянная борьба между кельтами и германцами, между католиками и протестантами, и еще разъ первые были побѣждены. Годовщина битвы при рѣкѣ Бойнѣ (1 іюля 1690 г.) до сихъ поръ пробуждаетъ скорбныя чувства Ирландіи.

Возобновленіе конфискацій было естественнымъ слѣдствіемъ пораженія. Вильгельмъ Оранскій былъ не въ силахъ обуздать ярость побѣдителей: для ихъ укрощенія понадобилось 1.700.000 акровъ земли. Способъ распредѣленія Оранскимъ конфискованныхъ имуществъ показываетъ однако, что онъ не особенно сопротивлялся требованіямъ побѣдителей. Самъ Маколей, который вообще не стѣснялся искажать историческіе факты сообразно своимъ цѣлямъ, (гдѣ это можно было сдѣлать безъ особенно явной фальсификаціи), даже этотъ почитатель Вильгельма III, «гражданскаго короля» Англіи, долженъ былъ признать, что «честные» благоразумные люди, какъ-бы они ни чтили память Вильгельма, не могутъ отрицать того, что въ своемъ стремленіи обогатить и возвеличить своихъ личныхъ друзей, онъ слишкомъ часто забывалъ къ чему обязываетъ его его собственная репутація и благосостояніе государства»*).

«Изъ 1.700,000 акровъ конфискованной, въ силу гражданскихъ статей Лимерикскаго договора, земли прежніе собственники получили около четвертой части; около

*) Маколей.—Исторія Англіи, т. VIII.

седьмой части остальной земли было роздано несчастнымъ семьямъ, которыя, правда, не могли требовать земли, согласно буквѣ договора, но которыхъ считали заслуживающими этой милости. Остальныя земли стали достояніемъ лицъ, заслуги которыхъ значительно превышали все, что они получили, но главнымъ образомъ — достояніемъ личныхъ друзей короля. Ромней особенно много получилъ отъ щедротъ короля, но наиболѣе щедро были одарены Вудстокъ, старшій сынъ Портланда, и Альбемарль. Почитатель Вильгельма съ болью въ сердцѣ долженъ признать, что онъ раздѣлилъ между этими двумя чужестранцами участокъ земли большій, чѣмъ весь Гердфортшеръ»*).

Послѣ возстановленія королевской власти въ Англіи при Карлѣ II изъ 11.000,000 акровъ, которые составляли площадь Ирландіи, по тогдашнему вычисленію, только 2.000,000 остались собственность католиковъ**). Послѣ революціи 1688 г. и сверженія Якова II въ ихъ владѣніи было уже только милліонъ съ лишнимъ акровъ, или немного болѣе одинадцатой части всей площади земли. Но и этотъ незначительный участокъ земли не былъ распредѣленъ равномѣрно между населеніемъ; онъ принадлежалъ всего 5—6 католическимъ семьямъ англійскаго происхожденія. Католическое населеніе уменьшилось настолько, что на одного протестанта приходилось теперь уже приблизительно только четыре католика.

Гражданская война была окончена. Англо-саксонскіе колонисты господствовали неограниченно, туземное населеніе успокоилось, какъ и сама Ирландія, спокойная, какъ могила. «Это было ужасное спокойствіе обезсиленнаго, спокойствіе отчаянія. Совершались, правда, всякія престу-

---

*) Маколей.—Исторія Англіи, т. VIII.

**) Въ дѣйствительности Ирландія занимаетъ площадь въ 20.000,000 акровъ, но такъ какъ старое исчисленіе служило основою всѣхъ вычисленій при установленіи отношеній католическихъ и протестантскихъ земельныхъ владѣній,—то мы вынуждены здѣсь его придерживаться.

пленія, грабежи, поджеги, убійства, но цѣлое столѣтіе прошло безъ всеобщаго возстанія. Въ теченіе этого столѣтія приверженцы дома Стюартовъ дважды поднимали возстаніе въ Великобританіи, но ни въ то время, когда старшій претендентъ короновался въ Стунѣ, ни тогда, когда дворъ юнаго претендента находился въ Голирудѣ—знамя Стюартовъ не было водружено ни въ Коннаутѣ, ни въ Мюнстерѣ. Когда въ 1745 году горцы шли на Лондонъ, католики въ Ирландіи были такъ спокойны, что лордъ-лейтенантъ могъ, безъ малѣйшаго опасенія, послать черезъ каналъ св. Георгія,—отдѣляющій Ирландію отъ Англіи,—нѣсколько полковъ для подкрѣпленія арміи герцога Кумберлендскаго. Но и эта подчиненность была не слѣдствіемъ довольства, а слѣдствіемъ полной апатіи, полнаго отсутствія бодрости. Мечъ пронзилъ сердце. Воспоминаніе прошлыхъ пораженій, привычка ежедневно переносить оскорбленія и притѣсненія подорвали бодрость и мужество несчастной націи. Правда, были ирландскіе католики съ большими способностями, большой энергіей и честолюбіемъ, но ихъ можно было встрѣтить въ Версали, въ Сан-Ильдефонзо, въ арміяхъ Фридриха и Маріи-Терезіи, короче, вездѣ, но только не въ Ирландіи. Одинъ ссыльный былъ маршаломъ Франціи, другой испанскимъ министромъ-президентомъ. Останься онъ на своей родинѣ—всѣ невѣжественные бездѣльники-дворяне, которые пили за славныя, безсмертныя воспоминанія, смотрѣли-бы на него сверху внизъ. Въ своемъ дворцѣ въ Мадридѣ онъ находилъ удовольствіе въ томъ, что посланникъ Георга II неотступно увивался вокругъ него, что онъ надменно третировалъ посланника Георга III. Повсюду въ Европѣ можно было встрѣтить храбрыхъ ирландскихъ генераловъ, способныхъ ирландскихъ дипломатовъ, ирландскихъ графовъ, бароновъ, ирландскихъ рыцарей ордена свв. Людвига и Леопольда, Бѣлаго Орла и Золотого Руна, которые, останься они дома, не могли-бы быть ни прапорщиками пѣхотнаго полка, ни свободными членами небольшихъ общинъ. Такъ какъ эти люди—естественные вожди своего народа—бы-

ли удалены, всѣ оставшіеся были совершенно безпомощны, пассивны. Возстанія Ирландіи противъ англичанъ можно было-бы опасаться съ такимъ-же основаніемъ, какъ возстанія женщинъ и дѣтей противъ мущинъ.

«Правда, въ то время не прекращались рѣзкіе разногласія между метрополіей и колоніей, но туземное населеніе во всѣхъ этихъ разногласіяхъ было такъ же мало заинтересовано, какъ краснокожіе—въ спорѣ изъ-за штемпельнаго акта, возникшаго между старой и новой Англіей. Господствующее меньшинство, хотя и возставало противъ правительства, относилось враждебно ко всему, въ чемъ видѣло возстаніе подчиненнаго большинства. Ни у одного изъ тѣхъ римскихъ патріотовъ, которые поразили мечемъ Юлія Цезаря, за его стремленіе къ императорской коронѣ, не было-бы угрызеній совѣсти, если-бъ онъ участвовалъ въ избіеніи цѣлой школы гладіаторовъ за ея попытку освободиться отъ самаго ненавистнаго и самаго унизительнаго изъ всѣхъ видовъ рабства. Каждаго Виргинскаго патріота, объяснявшаго разрывъ съ Британской имперіей само-собой понятной справедливостью, тѣмъ, что Творецъ далъ всѣмъ людямъ неотчуждаемое право на свободу,—каждаго совѣсть допустила-бы разстрѣлять перваго же негра-раба, заявившаго свое требованіе на это неотчуждаемое право. Точно такъ же протестантскіе владѣтели Ирландіи, съ гордостью причислявшіе себя къ сторонникамъ политическихъ ученій Локка и Сиднея, были того мнѣнія, что народъ, говорящій на кельтскомъ языкѣ и слушающій мессу, не можетъ имѣть никакого отношенія къ этому ученію. Молинэ сомнѣвался въ верховной власти англійскаго законодательства, Свифтъ нападалъ на каждую область правительственной системы острымъ орудіемъ насмѣшки и язвительности, Лукасъ безпокоилъ правленіе лорда Гаррингтона, Бойль ниспровергъ правленіе герцога Дорсетскаго; но ни Молинэ, ни Свифту, ни Лукасу, ни Бойлю никогда не приходило въ голову обратиться съ возваніемъ къ туземному населенію; для нихъ это обраще-

ніе было-бы равносильно обращенію къ свиньямъ. Позже Генри Флудъ подстрекалъ господствующіе классы требовать парламентской реформы и для достиженія ея обратиться даже къ революціоннымъ средствамъ. Но ни онъ, ни тѣ, которые смотрѣли на него, какъ на своего вождя, и шли за нимъ вплоть до государственной измѣны, не хотѣли признать за покореннымъ племенемъ права даже на ничтожнѣйшую долю участія въ политической жизни страны. Добродѣтельный, высоко-образованный Шарлемонъ, вигъ изъ виговъ, всю свою долгую жизнь посвятившій борьбѣ за то, что онъ считалъ свободой своей родины, голосовалъ противъ закона, предоставлявшаго избирательное право католикамъ, владѣльцамъ свободныхъ помѣстій, и умеръ съ непоколебимымъ убѣжденіемъ, что парламентъ долженъ навсегда остаться закрытымъ для католическихъ депутатовъ. Впродолженіи всего столѣтія, слѣдовавшаго за революціей, среди англійскихъ протестантовъ, на ряду съ стремленіемъ попирать ногами ирландцевъ, господствовало стремленіе къ политической свободѣ въ теоріи. Если-бы кто-нибудь изъ нихъ высказалъ какое нибудь состраданіе къ большинству, подавленному меньшинствомъ, то его навѣрное сочли-бы за фанатичнаго тори или за англиканскаго священника»*).

Печальна эта картина—положенія Ирландіи послѣ войны, набросанная Маколеемъ, но все же она была свѣтлѣе дѣйствительности. Ирландцы не только были унижены, не только политически безправны, но ко всему этому еще и экономически угнетены. Все, что осталось отъ англо-нормандскихъ завоевателей, пуританскихъ и англиканскихъ поповъ, все шло законнымъ путемъ въ широкіе карманы лендлорда, теперь единственнаго землевладѣльца. Если до сихъ поръ антагонизмъ между побѣдителями и побѣжденными, кельтами и германцами, католиками и протестантами, отдѣлялъ туземцевъ отъ англичанъ, то теперь къ

*) Маколей.—Исторія Англіи т. V.

этому прибавился великій антагонизмъ между землевладѣльцами, арендаторами и рабочими. Съ одной стороны— кельты, католики, пролетаріи, съ другой германцы, протестанты, землевладѣльцы: къ противоположности религіозныхъ и національныхъ интересовъ прибавилась противоположность интересовъ матеріальныхъ, и пропасть между обоими народами вмѣсто того, чтобы уменьшаться безконечно росла. Возникъ новый поводъ ко взаимной ненависти, новый поводъ для мученія Ирландіи, истекающей кровью отъ тысячъ ранъ, мученію уже не грубыми ударами кулака, а тысячами мелкихъ уколовъ закона. *Началось законное преслѣдованіе.* Законъ свирѣпствовалъ ужасный, неумолимый, болѣе разрушительный, чѣмъ раньше мечъ; но онъ дѣйствовалъ съ меньшимъ шумомъ, менѣе замѣтно; онъ не возбуждалъ умовъ, но увеличивалъ тупоумное смиреніе.

Своеобразно было тогда отношеніе къ Англіи ирландскихъ протестантовъ. Въ феодальное время въ метрополіи не интересовались колонистами: завоеваніе приносило пользу только королю, поэтому оно и было его дѣломъ. Но во время реформаціи эти колонисты стали піонерами новаго ученія, направленнаго противъ «папистскаго идолопоклонства»: и вся Англія теперь была занята ихъ судьбой, работала для ихъ «благоденствія».

Въ XVIII столѣтіи въ Англіи прошло уже время религіозныхъ и національныхъ идеаловъ; теперь господствовалъ капиталъ. Правда, англичане все еще гордились славой Англіи, такъ же строго, какъ и раньше праздновали воскресный день, но уже не были болѣе расположены приносить жертвы на алтарь религіи и національности. На колонистовъ въ Ирландіи они не смотрѣли болѣе какъ на передовыхъ борцовъ, за англійскую культуру и англиканскую церковь, а какъ на непріятныхъ конкурентовъ англійскихъ крупныхъ купцовъ и фабрикантовъ, и эти послѣдніе дѣлали все возможное, чтобы препятствовать развитію благосостоянія Ирландіи.

Въ XVII вѣкѣ въ южныхъ провинціяхъ Ирландіи развилась богатая, цвѣтущая промышленность—шерстяная мануфактура. Тогда лондонскіе купцы обратились къ правительству съ петиціей, въ которой они просили его употребить всѣ мѣры для уничтоженія шерстяной промышленности въ Ирландіи; и петиція эта не осталась не услышанной. «Я—сказалъ король Вильгельмъ III—сдѣлаю все отъ меня зависящее, чтобы уничтожить шерстяную мануфактуру Ирландіи». 25-го марта 1699 г. ирландскимъ парламентомъ былъ изданъ законъ, налагавшій на ирландскія сукна такую высокую вывозную пошлину, которая была равносильна абсолютному запрещенію вывоза, и мануфактура была разорена. Изъ опасенія, что ирландскія власти не будутъ такими же послушными рабами, какъ ирландскій парламентъ, было постановлено, чтобы нарушитель этого закона о пошлинахъ одинаково могъ быть судимъ, какъ англійскимъ, такъ и ирландскимъ судами; мало того, лица оправданныя въ Ирландіи могли быть снова привлечены къ суду и судимы въ Англіи.

Возникаетъ невольно вопросъ, какимъ образомъ ирландскій парламентъ, (хотя изъ него были исключены католики) могъ постановить что-либо подобное. Но удивленіе наше изсчезнетъ, когда мы узнаемъ, какъ безсовѣстно процвѣталъ здѣсь подкупъ. Легко было пріобрѣсти голоса лордовъ, искавшихъ милостей при дворѣ и почти никогда не жившихъ въ Ирландіи, сессія парламента ограничивалась обмѣномъ нѣсколькими актами вѣжливости съ вице-королемъ. Въ нижней палатѣ католиковъ засѣдало такъ-же мало, какъ и въ верхней, они не только были лишены пассивнаго избирательнаго права, такъ какъ въ парламентъ не могъ быть выбранъ никто не причащенный по англиканскому обряду—но съ 1727 г. они были лишены также и активнаго избирательнаго права. Но промышленность въ Ирландіи все-же находилась исключительно въ рукахъ протестантовъ, и голоса депутатовъ нижней палаты, какъ представителей индустріи, пріобрѣсти было труд-

нѣе, поэтому нижняя палата была куплена: членовъ, на роднаго представительства подкупили должностями и пенсіями. Если не было достаточно вакантныхъ должностей, создавали новыя мѣста, увеличивали число старыхъ. Низшія мѣста, которыми не удовлетворялись депутаты, продавались за наличныя деньги, чтобы за вырученную сумму снова покупать голоса. Подкупъ совершался такъ открыто, что Гратанъ могъ воскликнуть въ самомъ парламентѣ: «осмѣлится-ли кто-нибудь отрицать подкупъ?» и не услышалъ ни отъ кого отвѣта. Въ другой разъ онъ же, говоря объ обычаѣ продавать мѣста пэровъ, чтобы употребить вырученныя деньги на покупку голосовъ, сказалъ «министры продаютъ прерогативы короны, чтобы купить права народа».

Но слишкомъ частая покупка голосовъ обходилась слишкомъ дорого, и парламентъ, возобновлявшійся первоначально ежегодно, рѣшено было избирать на всю жизнь короля. Однажды было даже предложено установить налоги сразу на 25 лѣтъ; но это было уже слишкомъ, и предложеніе провалилось. При Георгѣ III парламентъ былъ избранъ на 8 лѣтъ, благодаря чему снова повысились расходы на покупку голосовъ.

Исполнительная власть была достойна законодательной. Вице-короли Ирландіи являлись обыкновенно только разъ въ два года, чтобы открыть парламентъ. Нѣкоторые изъ нихъ, какъ напр. лордъ-Веймаутсъ, совсѣмъ не появлялись въ Ирландіи. Ихъ постъ былъ только синекурой, представляемой неспособнымъ или разорившимся членамъ высшаго дворянства, нуждавшимся въ службѣ, чтобы «отдохнуть». Лордъ Гуартонъ (Whorton) являетъ собою примѣръ того, какъ пользовались подобными синекурами. Онъ «сберегъ» себѣ на своей должности кругленькую сумму въ 45.000 фунтовъ стерлинговъ (въ 1700 г.).

Если при этихъ условіяхъ преуспѣяніе Ирландіи, какъ страны, было почти невозможно—то еще менѣе возможнымъ оно было для кельтовъ, живущихъ въ Ирландіи. Если

ирландскіе и англійскіе капиталисты смотрѣли другъ на друга какъ конкуренты,—то протестанты Ирландіи смотрѣли на католиковъ, какъ на своихъ рабовъ, которыхъ, надо держать въ возможно большей подчиненности въ интересахъ «національнаго благосостоянія».

Въ то время, какъ Англія старалась уничтожить всякій спросъ на рабочіе руки Ирландіи—владѣльцы въ Ирландіи столь же ревностно стремились урвать себѣ львиную долю того, что давала незначительная работа, которую еще могъ найти себѣ ирландскій работникъ. Продуктивность ирландскаго труда была очень низка, и изъ ничтожнаго продукта своего труда—рабочій получалъ жалкую долю. Удивительно ли, что бѣдный, невѣжественный народъ, съ которымъ послѣ столькихъ бѣдствій—вели истребительную войну при помощи законовъ, удивительно ли, что онъ голодалъ? И неужели, послѣ всего этого, одна перенаселенность Ирландіи повинна во всѣхъ ея бѣдствіяхъ?

Чтобы продолжать планомѣрное угнетеніе бѣднѣйшаго ирландскаго населенія, прежде всего рьяно заботились о возможно большемъ отупѣніи его. Всѣ католическія школы были закрыты, при чемъ, конечно, прекрасно понималось, что истый ирландецъ никогда не пошлетъ своихъ дѣтей въ протестантскую школу. Всѣ ирландскіе учителя были сосланы и возвращеніе имъ было воспрещено подъ угрозой смертной казни. Законъ установилъ даже плату 5 фунтовъ стерлинговъ на покрытіе расходовъ по отсылкѣ каждаго католическаго учителя въ Вестъ-Индію. Было запрещено безъ особаго разрѣшенія отправлять своихъ дѣтей заграницу, изъ опасенія, что они тамъ будутъ посѣщать католическую школу. Уже въ 1833 году въ Ирландіи было всего 789 національныхъ школъ съ 107.042 учениками! Въ 1861 году изъ 803.364 дѣтей школьнаго возраста только 262.823 или 33% регулярно посѣщали школу, въ 1871 г. изъ 1.021.700—только 363.850 т. е. 36%.

Но, если даже ирландецъ получалъ какое-либо образованіе—что было для него почти невозможно—оно было ему безполезно: высшая карьера—военная, политическая, гражданская—была для него закрыта закономъ. Законъ 1703 года запретилъ католикамъ-ирландцамъ даже пріобрѣтать недвижимую собственность. Мануфактуры были разорены, владѣніе землею ирландцу запрещено,—что же оставалось ему помимо аренды земли? Но и здѣсь позаботились о томъ, чтобы ирландское дерево не выросло до небесъ. Вышеупомянутый законъ 1703 года установилъ, что арендный договоръ съ ирландцами не можетъ быть заключенъ больше, чѣмъ на 31 годъ. *Арендная плата должна быть равна по крайней мѣрѣ двумъ третямъ доходности земли;* если доходность растетъ, должна расти и арендная плата, такъ что арендатору ни въ коемъ случаѣ не должно оставаться болѣе трети доходовъ отъ его труда. Кто доносилъ о заключеніи болѣе выгоднаго для арендатора контракта,—тотъ получалъ вознагражденіе и весь доходъ арендатора, полученный имъ сверхъ установленной закономъ нормы.

Промышленность являлась мало выгодной, и, если ирландецъ, отторгнутый драконовскими законами отъ земледѣлія, переходилъ къ промышленности—то онъ попадалъ изъ огня въ полымя. Торговля и промышленность зависѣли отъ муниципальныхъ корпорацій, привиллегіями которыхъ было и управленіе, и регулированіе промышленности. Корпораціи эти состояли изъ англійскихъ купцовъ и промышленниковъ, вѣроисповѣданіе которыхъ, равно какъ и ихъ интересы—что было, вѣроятно, болѣе вѣскимъ мотивомъ—побуждали ихъ устранять конкуррентовъ папистовъ. Если не прямо запрещалось ирландцу занятіе ремесломъ—то разрѣшеніе обставлялось наиболѣе неблагопріятными условіями. Членомъ цеха могъ быть только протестантъ, кто же не принадлежалъ къ цеху,—долженъ былъ платить высокія подати, не имѣлъ права держать болѣе двухъ учениковъ и т. д.

Только одна дорога безусловно была открыта ирландцу: Англія полагала, что не можетъ лучше выразить свою смертельную ненависть къ сосѣднему острову, какъ заставивъ сыновей его стать наемными работниками. Обратить всѣхъ ирландцевъ безъ исключенія въ наемныхъ работниковъ—было завѣтной мечтой англичанъ, а это, конечно, наиболѣе соотвѣтствовало и національнымъ, и религіознымъ, и матеріальнымъ интересамъ Англіи: народъ враждебной расы и враждебной религіи этимъ путемъ былъ бы деморализованъ и сталъ бы наиболѣе удобенъ для эксплуатаціи. Дошло до того, что законъ не только желалъ, чтобы ирландецъ сталъ наемнымъ рабочимъ, но до извѣстной степени принуждалъ его къ работѣ по найму. Законъ этотъ наказывалъ наемнаго рабочаго, отказывавшагося работать въ дни, не празднуемыя протестантами.

И при всемъ этомъ всѣ государственныя тягости были взвалены на ирландцевъ, которые были обложены самыми произвольными и тяжелыми налогами. Да оно и понятно! Вѣдь они не имѣли представителей ни въ одной изъ вліятельныхъ корпорацій; не было никого, кто защищалъ бы интересы презираемыхъ ирландцевъ. И на католическаго рабочаго кельтскаго происхожденія взваливаются государственные тяготы протестантскою корпораціей владѣтельныхъ англосаксовъ—парламентомъ.

Налоги графства распредѣляются протестантскою корпораціей владѣтельныхъ англосаксовъ—«Великимъ судомъ присяжныхъ». Въ церковномъ приходѣ существовала протестантская корпорація владѣтельныхъ англосаксовъ—vestry; въ городѣ была протестантская корпорація имущихъ англосаксовъ—цехъ.

Такъ тѣснили во всѣхъ отношеніяхъ кельтскій народъ, такъ тѣснили ирландскаго рабочаго.

Дороги проводились по желанію лордовъ не для того, чтобы установить сношенія между населенными мѣстностями, но для того, чтобы сдѣлать болѣе удобнымъ подъѣздъ къ замкамъ помѣщиковъ. Школъ не строили,

чтобы можно было на эти деньги построить больше тюремъ и казармъ. При этомъ всюду были такіе подлоги, что продажность суда въ Англіи вошла въ поговорку.

Съ правосудіемъ было не лучше. Низшіе судебныя и полицейскія должности исполнялись мировыми судьями. Только состоятельный человѣкъ могъ быть мировымъ судьею; состоятельность и, конечно, протестантское исповѣданіе были единственными условіями для занятія этой должности. Способности къ отправленію ея не требовалось—были бы деньги и «истинная» вѣра. Эти ирландскіе мировые судьи жили большею частью въ Лондонѣ и прізжали на время въ свой округъ чинить судъ. Ихъ постановленія возбуждали въ народѣ только ненависть. Имъ подчинялись такъ же, какъ и законамъ только потому, что за ихъ спиною стояла англійская артиллерія.

Не лучше обстояло дѣло и въ высшихъ судебныхъ палатахъ. Если католикъ былъ обиженъ протестантомъ—онъ никогда не могъ разсчитывать на справедливость въ судѣ, гдѣ и адвокатами, и судьями и присяжными были протестанты.

Ко всему этому присоединялся еще англиканскій пасторъ, явившійся въ Ирландію въ качествѣ миссіонера и жившій тамъ, какъ рантье, если онъ не предпочиталъ проживать ежегодно свои 500 ф. стерлинговъ въ Лондонѣ или въ Чельтэнгамѣ, такъ какъ въ Ирландіи кромѣ полученія доходовъ ему нечего было дѣлать. По вычисленію Гладстона, еще въ 1870 г., въ преимущественно католической Ирландіи, капиталъ англиканской церкви, состоявшій главнымъ образомъ изъ церковныхъ десятинъ и поземельной ренты, достигалъ 16.000.000 ф. стерлинговъ (около 150 милл. р.).

Что католики были стѣснены и во многихъ другихъ отношеніяхъ—вполнѣ понятно; ни одинъ католикъ-ирландецъ не имѣлъ права носить оружіе, ни одинъ не могъ быть опекуномъ дѣтей, хотя бы и католиковъ, не имѣлъ права ни наслѣдовать протестанту, ни получать отъ него подарки. Въ 1698 г. было запрещено ирландцамъ вступать

въ бракъ съ протестантками; и священника, который благословилъ такой бракъ, ожидала смертная казнь, хотя бы онъ и доказалъ, что онъ не зналъ о вѣроисповѣданіи обоихъ.

Въ общемъ эти законы, какъ замѣтилъ Артуръ Юнгъ, меньше были направлены противъ вѣроисповѣданія, чѣмъ противъ имущества католиковъ.

Всю ирландскую систему мѣтко характеризовалъ Боркъ: «Это—говоритъ онъ—самое удобное и могучее орудіе угнетенія, которое когда-либо было открыто развращеннымъ человѣческимъ умомъ съ цѣлью уничтожить народъ, повергнуть его въ нужду и нищету, деморализовать его и исказить въ немъ человѣческую природу со свойственными ей инстинктами».

Но какъ ни низко палъ ирландскій народъ, такой гнетъ не могъ продолжаться долго, не вызывая отпора. Правда, для всеобщаго возстанія ирландцы слишкомъ пали духомъ, были слишкомъ обезсилены, неразвиты; постоянныя ужасныя пораженія, начиная со вторженія Генриха II въ 1169 г. вплоть до битвы при рѣкѣ Бойнѣ въ 1690 г., окончательно подорвали ихъ силы; но, когда настаетъ особенно жестокая нужда, когда увеличивается голодъ, падаетъ заработная плата, увеличивается число изгнаній несостоятельныхъ арендаторовъ,—тогда въ ирландцѣ пробуждается духъ сопротивленія, и въ одинъ прекрасный день появляются воззванія: «Одна земля даетъ намъ жизнь; обнимемъ же ее крѣпко и не разстанемся съ ней! Землевладѣлецъ или его замѣститель приказываетъ намъ покинуть ее, но мы останемся! Судъ намъ приказываетъ, но мы все-таки останемся! Явится вооруженная сила, что-бъ насъ заставить, мы изо всѣхъ силъ будемъ сопротивляться несправедливому врагу, и чтобы несправедливость не причинила намъ никакого вреда, мы жестоко накажемъ тѣхъ, которые ее совершаютъ.

«Кто самъ или черезъ посредство другого будетъ отнимать у насъ нашу заарендованную землю, тотъ поплатит-

ся жизнью! Владѣлецъ или мидельмэнъ (посредникъ), его агентъ, который прогонитъ арендаторовъ — поплатится жизнью! Помѣщикъ, который потребуетъ за акръ земли высшую аренду, чѣмъ та, которую мы назначили—заплатитъ жизнью!

«Жизнью заплатитъ и тотъ, кто предложитъ арендную плату выше установленной, кто займетъ мѣсто изгнаннаго арендатора, кто на аукціонѣ или гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ купитъ конфискованное имущество арендатора!

«Мы не только будемъ наказывать виновныхъ, но будемъ вредить ихъ интересамъ, будемъ оскорблять ихъ чувства; мы не только будемъ калѣчить ихъ скотъ, поджигать ихъ дома, разорять ихъ луга, пашни, но мы будемъ убивать также ихъ друзей, ихъ родныхъ, безчестить ихъ женъ и дочерей. Но чтобы быть сильными, намъ нужно оружіе, поспѣшимъ же захватить то, которое у насъ отняли! Разобщенность была до сихъ поръ причиной нашей слабости, соединимся и торжественно обяжемся исполнять всѣ постановленія, которыя мы сдѣлаемъ, и чтобы наше обязательство было ненарушимо—освятимъ его клятвой и окружимъ непроницаемой тайной! Распространимъ сѣть нашего союза на всю страну, и кто откажется дать клятву присоединиться къ намъ, тотъ будетъ считаться нашимъ врагомъ, и какъ съ таковымъ съ нимъ и поступятъ. Чтобы слова эти не были пустой угрозой, поклянемся торжественно, чтобы всегда каждый изъ насъ, кому было поручено совершить наказаніе, тотчасъ же исполнялъ данное ему порученіе со всею строгостью».

Такъ гласили воззванія Гуайтбойевъ («Бѣлыхъ Парней»), тайнаго союза, получившаго свое имя отъ бѣлыхъ рубахъ своихъ членовъ, носившихъ ихъ, какъ примѣту. Ихъ первое возстаніе было въ 1760 г. Что посѣешь, то и пожнешь! И, когда съ народомъ обращаются какъ съ животнымъ, то нечего жаловаться, если и онъ поступаетъ по-звѣрски. Гуайтбои были, однако, лучше, чѣмъ ихъ сла-

ва, оскорбленные, попранные ногами, одичавшіе, отупѣвшіе съ ненавистью и отчаяніемъ въ сердцѣ—они мстили такъ же по звѣрски, какъ ихъ господа обращались съ ними, но они были честны, они не грабили денегъ и имущества, а только оружіе и средства обороны. Это уже не была больше война кельтовъ противъ германцевъ, католиковъ противъ протестантовъ, это была война неимущихъ противъ своихъ господъ.

Для эксплуататоровъ труда въ городѣ и деревнѣ наступило невеселое время.

Если землевладѣлецъ требовалъ отъ арендатора слишкомъ высокую аренду, онъ находилъ на дверяхъ слѣдующее объявленіе: «Симъ увѣдомляю васъ, что мы больше не терпимъ несправедливости требованія двойной арендной платы противъ ея дѣйствительной стоимости. Кто не обратитъ вниманія на это заявленіе, будетъ наказанъ съ величайшей строгостью!» (Терри Альтъ).

Если рабочіе получали слишкомъ низкую плату—появлялся слѣдующій декретъ: «Съ настоящаго дня ни одинъ рабочій не долженъ работать въ такомъ-то заведеніи за плату ниже десяти шиллинговъ *) въ недѣлю. Горе тому, кто будетъ работать за низшую плату».

Если кто-нибудь выплачивалъ десятинный сборъ, ему угрожали смертью; если землевладѣлецъ хотѣлъ прогнать арендатора, поднять арендную плату, пригласить въ страну иноземныхъ рабочихъ, его наказывали по кодексу «Бѣлыхъ Парней». Тщетно старались власти уничтожить этотъ ужасный союзъ; высокія награды доносчикамъ не приносили пользы потому, что каждаго, кто являлся свидѣтелемъ противъ Гуайтбоевъ, убивали часто прежде, чѣмъ онъ успѣвалъ дать свое показаніе.

Когда отношенія временно улучшались, народъ пере-

*) 10 шил.—около 5 рублей—очень высокая плата для Ирландіи, гдѣ поденная плата падала иногда до 2 пенсовъ—(около 8 коп.), при чемъ какъ населеніе, напримѣръ, въ Коннаутѣ, въ теченіе шести мѣсяцевъ оставалось безъ работы и должно было голодать.

ставалъ принимать участіе въ тайномъ союзѣ, и союзъ умиралъ самъ собою съ тѣмъ, чтобы при ближайшемъ удобномъ случаѣ снова возродиться часто подъ другимъ именемъ, но съ тѣми же задачами. Въ 1763 году появились «Дубовыя Сердца», въ 1772 г. они назвались «Стальными Парнями». Они возстали потому, что маркизъ Донэгаль въ одинъ прекрасный день прогналъ всѣхъ своихъ арендаторовъ; въ 1785 г. они называли себя «Парнями Права», затѣмъ «Рокистами» (Солдатами капитана Рока, одного изъ вымышленныхъ предводителей), «Кларистами», (подданные леди Клары, также вымышленной королевы), въ 1805 г. «Молотильщиками»; въ 1811, 1815, 1820, 1821, 1823, 1829 они снова приняли имя «Бѣлыхъ Парней», въ 1831 «Терри-Альтъ» въ 1832-33-37 «Бѣлоногихъ», «Черноногихъ».

Лордъ Чарлемонъ указалъ причину этихъ періодическихъ возстаній:—это нищета, гнетъ, голодъ—Misery, Oppression, Famine!

Какъ ни часто повторялись возстанія—они не имѣли никакого успѣха. Разсчитанныя на борьбу противъ временныхъ бѣдствій,—они неизбѣжно должны были утрачивать всякій интересъ въ глазахъ народа, какъ только общее положеніе хотя бы незначительно улучшалось. Ирландія была способна къ мелкимъ возстаніямъ, но ее сдѣлали неспособной къ революціи. У нея не хватало энергіи, поставивъ себѣ великую цѣль, преслѣдовать ее съ желѣзною настойчивостью, несмотря ни на какія препятствія.

Новое, правда кратковременное, воодушевленіе охватило Ирландію, когда пришла вѣсть объ освободительной сѣверо-американской войнѣ; но воодушевленіе это было только въ средѣ болѣе обезпеченныхъ ирландцевъ, народная же масса въ Ирландіи, какъ и въ Америкѣ, смотрѣла безразлично на раздоръ между метрополіей и колоніей. Обезпеченные классы хотѣли избавиться отъ тяжелой конкурренціи Англіи и только поэтому, а не по какимъ-либо другимъ причинамъ основывали общества съ цѣлью требо-

вать независимости Ирландіи. Первымъ дѣломъ ихъ—было бойкотированіе всѣхъ англійскихъ товаровъ!

Съ теченіемъ времени общества эти превратились въ добровольную милицію, которая выросла вскорѣ до 40.000 человѣкъ и организовалась совершенно самостоятельно. Англія, занятая американскою войною, вынуждена была оставить въ покоѣ ирландцевъ. Если вѣрить сладкимъ рѣчамъ, благодѣтели, стоявшіе тогда во главѣ управленія, были друзьями католиковъ; по крайней мѣрѣ въ одной резолюціи они заявляли: «Какъ мужчины, христіане и протестанты мы рады, что уголовные законы, направленные противъ нашихъ ирландскихъ гражданъ, смягчаются, и мы ожидаемъ отъ предложенныхъ парламенту мѣропріятій самыхъ благопріятныхъ послѣдствій для объединенія и процвѣтанія Ирландіи». Этими сладкими рѣчами хотѣли лишь заманить простаковъ на удочку. Какъ были настроены эти доброхоты въ дѣйствительности, можно заключить уже изъ того, что въ то же время они заявляли: «Реформа парламента должна осуществиться, но католикамъ избирательное право не должно быть дано».

Въ Ирландіи, какъ и въ Сѣверной Америкѣ, какъ и во Франціи, существовало также движеніе такъ называемаго третьяго сословія для пріобрѣтенія политической власти; но изъ-за боязни передъ религіозною католическою народною массой—движеніе это было менѣе радикально, чѣмъ въ обоихъ названныхъ странахъ. Тѣмъ не менѣе, въ 1782 году добились объявленія независимости ирландскаго парламента.

Черезъ семь лѣтъ во Франціи вспыхнула революція: съ ликованіемъ привѣтствовали въ Ирландіи свѣтъ свободы. Громадное воодушевленіе охватило всѣхъ: католики и протестанты, богатые и бѣдные—всѣ братски простирали другъ другу руки, требовали религіозныхъ, политическихъ, соціальныхъ реформъ. Годовщина взятія Бастиліи была торжественно отпразднована, на ирландскомъ гербѣ арфа—была замѣнена фригійской шапкой, побѣда французской рейн-

ской арміи была отпразднована въ Дублинѣ иллюминаціей.

«Союзъ «Объединенныхъ ирландцевъ» образовался изъ католиковъ и протестантовъ; всѣ говорили, что съ французскимъ нашествіемъ Ирландія должна быть освобождена; Вольфъ Тунъ поспѣшилъ во Францію, чтобы ускорить дѣло. Англія же дѣлаетъ рядъ уступокъ для предотвращенія грозы; католикамъ открывается доступъ къ адвокатурѣ, разрѣшаются браки между католиками и протестантами. Это великодушіе должно было успокоить Ирландію! Но когда въ 1783 г. Франція объявила войну, Англія увидѣла себя вынужденной къ дальнѣйшимъ уступкамъ: католиковъ не обязываютъ больше соблюдать обряды англиканской церкви, имъ разрѣшаютъ обучать своихъ дѣтей, какъ они хотятъ, имъ открываютъ доступъ къ большинству гражданскихъ и военныхъ должностей, и наконецъ даютъ имъ *активное* избирательное право, *пассивное* же остается для нихъ недоступнымъ.

Между тѣмъ обликъ Франціи совершенно преобразуется; объявляются всеобщія права человѣка и гражданина, и Великобританію охватываетъ ужасъ передъ колоссальнымъ переворотомъ на континентѣ; знать Ирландіи уже не проявляетъ больше склонности соединиться съ революціонными элементами Франціи и покидаетъ свои мечты о свободѣ. Боркъ всегда стоявшій на сторонѣ новой Англіи и Ирландіи, бывшій заклятымъ врагомъ аристократіи, мечетъ теперь громъ и молнію противъ всякаго революціоннаго движенія, равно какъ и противъ всякихъ ирландскихъ реформъ. Въ ирландскихъ городахъ расквартировываются гарнизоны солдатъ, въ клубахъ запрещается веденіе политическихъ дебатовъ, добровольная милиція распускается. Но общество «Объединенныхъ Ирландцевъ» не даетъ себя сбить съ толку и тайно продолжаетъ подготовлять вторженіе французовъ. Народу, однако, казались слишкомъ продолжительными эти приготовленія; съ нетерпѣніемъ сноситъ онъ свой гнетъ, но наконецъ не выдерживаетъ и возстаетъ раньше, чѣмъ подоспѣла по-

мощь французовъ. Эта послѣдняя попытка возстанія Ирландіи, возстанія, въ которомъ не приняли участія обезпеченные классы населенія, въ которомъ не было идейнаго единенія—(одни боролись за свободу, другіе—за католическую церковь,—попытка возстанія, плохо руководимаго, была задавлена раньше, чѣмъ высадилась французская экспедиція (въ 1798 г.).

Возстаніе было очень на руку Англіи: оно дало ей поводъ снова подавить страну, которая обнаружила признаки пробуждающейся жизни, обезсилить ее раньше, чѣмъ она окрѣпнетъ. Ужасною, кровавою местью мстили помѣщики послѣ побѣды; еще болѣе ужасною, болѣе кровавою, чѣмъ во Франціи во время террора, хотя здѣсь передъ англичанами не было вопроса о собственной жизни или смерти, какъ это было во Франціи Робеспьера и Марата.

Послѣ подавленія возстанія, которое едва-ли было опасно, въ Ирландіи начали свою дѣятельность военные суды.

Лордъ Чарлемонъ разсказываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ, что для вынужденія сознанія у обвиняемаго, его *до постановленія приговора били плетью, пытали, до полусмерти держали въ петлѣ!* Если являлись свидѣтели, показывавшіе въ пользу обвиняемаго—ихъ устраняли, хотя бы это были протестанты и сторонники правительства если же они настаивали въ своемъ желаніи дать показанія —ихъ прогоняли штыками. Поводомъ къ тяжкому обвиненію было спасеніе протестантовъ отъ ярости инсургентовъ, такъ какъ это свидѣтельствовало о симпатіяхъ между католиками и протестантами! Въ страхѣ обвиняемый кричалъ: «Можетъ-ли кто-нибудь доказать, что я спасъ кому-либо жизнь!» *).

Если не удавалось найти ни одного свидѣтеля, который бы показалъ противъ обвиняемаго—искали такового

*) Гордонъ, сообщающій большинство приводимыхъ здѣсь фактовъ—англійскій протестантъ, всѣ симпатіи котораго на сторонѣ военныхъ судовъ.

въ тюрьмахъ, обѣщая даровать жизнь за дачу показаній противъ обвиняемаго, а, если и эти обѣщанія не приводили къ желанной цѣли—не стѣснялись прибѣгать къ угрозамъ или даже пыткамъ. Но и въ тѣхъ случаяхъ, когда не могли привести никакого доказательства совершенія преступленія—судьба обвиняемаго была уже заранѣе рѣшена: самое обвиненіе было уже осужденіемъ. Предсѣдатель военнаго суда, большею частью жестокій и невѣжественный человѣкъ, объявлялъ обвиняемому смертный приговоръ, который тотчасъ же и приводился въ исполненіе. Приговоренныхъ къ смертной казни—вѣшали. Если приговоры суда исполнялись въ Вексфордѣ—то трупы къ тому же еще и уродовались, надъ ними издѣвались и, отрубивъ имъ головы—бросали ихъ въ рѣку, *головы же прибивали гвоздями къ наружной стѣнѣ трибунала. Подчасъ надъ повѣшенными позволяли себѣ продѣлывать „шутку“: раньше, чѣмъ они умирали—ихъ ставили на ноги, ждали пока къ нимъ возвратится сознаніе, и тогда снова вѣшали.*

И тѣ самые господа, по приказу которыхъ совершались всѣ эти ужасы, осмѣливались кричать «караулъ» по поводу гильотированія во Франціи!..

Ирландскій парламентъ былъ распущенъ и въ 1800 году Ирландія была соединена съ Англіей. Ирландскій парламентъ, сперва возстававшій противъ этой реформы—согласился на нее послѣ того, какъ англійскій парламентъ вотировалъ 1.600.000 фунтовъ стерлинговъ для подкупа ирландскихъ депутатовъ. Таково было это «народное представительство»!.....

Вотъ исторія Ирландіи,—море крови и слезъ, въ которомъ погибалъ благородный народъ.

Въ послѣднее время пытались сдѣлать кое-какія (немногія) улучшенія, но много-ли поможетъ Ирландіи эта заплата? Когда человѣку скуютъ сперва ноги и руки, жестоко искалѣчатъ его члены, развѣ не будетъ простымъ издѣвательствомъ надъ нимъ, когда, расковавъ его, ему

скажутъ: ты свободенъ и можешь распоряжаться своими членами какъ твоей душѣ угодно!? А развѣ не звучитъ насмѣшкой, когда обнищаніе народа, до послѣдняго времени переносящаго еще всякія истязанія,—объясняютъ перенаселеніемъ? Конфискаціи, преслѣдованія, законно-организованный грабежъ не оставили никакихъ послѣдствій, а разведеніе картофеля—обусловило бѣдность Ирландіи?!

Всю землю Ирландіи отняли у народа и распредѣлили между нѣсколькими англійскими семьями. Несмотря на то, что въ Ирландіи давно уничтожена неотчуждаемость земли, вся Ирландія, за исключеніемъ городовъ, принадлежала въ 1780 г. только 19.547 землевладѣльцамъ, которые получали 10.000.000 ф. стерлинговъ ренты; изъ числа этихъ землевладѣльцевъ—5946, владѣвшіе больше, чѣмъ половиною всей земли, свои доходы, можно сказать, проѣдали за предѣлами Ирландіи. Такой ирландскій лордъ не велъ, конечно, самъ въ своихъ помѣстьяхъ хозяйства, даже не жилъ въ скучной странѣ, гдѣ находились его владѣнія, въ которыхъ онъ не имѣлъ возможности предаваться дорогимъ удовольствіямъ. Поэтому лордъ за извѣстную сумму передавалъ доходъ отъ своихъ владѣній какому-нибудь банкиру или адвокату въ Лондонѣ или Дублинѣ и не безпокоился больше о своемъ помѣстьи. Но и этотъ управляющій не желалъ обрабатывать земли, предпочитая спекулировать ею. Онъ раздѣляетъ помѣстья на участки по 100—500—1000 акровъ и раздаетъ ее арендаторамъ второго порядка, мидельменамъ, эти послѣдніе дѣлятъ участки на парцеллы по 5, 10, 20 акровъ и стараются по возможно болѣе высокой цѣнѣ раздать ее въ аренду бѣднымъ земледѣльцамъ. Достаточно характернымъ для невѣроятныхъ условій этой аренды служитъ данное ей названіе «аренда-пытка».

Незначительная величина парцеллъ, конечно, является причиной того, что земледѣлецъ, на получаемый имъ отъ обработки доходъ, можетъ прожить лишь очень скудно. «Въ Ирландіи считаютъ, что на *хорошей* землѣ семья арен-

датора при десяти акрахъ можетъ хорошо (?) жить; нѣкоторые свѣдущіе люди полагаютъ, что достаточно 6 акровъ, тогда какъ въ другихъ мѣстностяхъ никакое хозяйство меньше, чѣмъ въ 20 акровъ не можетъ оплачивать аренды (Evidence on the occupation of land in Irland, passime). По вычисленію Мангвайрскаго комитета въ 1865 г. минимальная площадь земли, на которой могъ прокормиться арендаторъ со своей семьей, равнялась 15—20 акрамъ, исключая земли особенно плодородныя или расположенныя вблизи большихъ городовъ *). Каково это «преуспѣяніе» показываетъ намъ тотъ фактъ, что «даже арендаторы 40 акровъ иногда въ теченіе 3-хъ лѣтъ не убивали для себя ни одной свиньи **).

О нищетѣ, господствующей на «Зеленомъ Иринѣ»***), можно получить представленіе потому, что въ 1845 г.

135.314	арендатор.	имѣли	менѣе	одного	ирландск.	акра		
181.950	»	»	отъ	1	до	5	»	»
187.909	»	»	»	5	»	10	»	»
187.582	»	»	»	10	»	20	»	»
187.213	»	»	»	20	»	100	»	»
25.047	»	»	»	болѣе ста			»	»

Сюда надо еще прибавить 25.789 арендаторовъ артельщиковъ и 4.431 арендат., о которыхъ не было собрано свѣдѣній ****). Болѣе двухъ третей арендаторовъ—692.755 —стало быть были не въ состояніи «преуспѣвать» даже при самомъ напряженномъ трудѣ...

Незначительная величина арендуемыхъ участковъ отнюдь не обусловливается недостаткомъ удобныхъ земель, такъ какъ изъ 20 милліоновъ акровъ, занимаемыхъ Ирландіей, 5 милліоновъ акровъ удобной земли (изъ которыхъ 1 милліонъ акровъ годенъ для разведенія злаковъ)

---

*) Roscher, Nationalökonomie des Ackerbaues 172.

**) Тамъ-же 216.

***) Иринъ—кельтское названіе Ирландіи. *Прим. переводчика.*

****) Roscher—l. c. 174.

не было вовсе воздѣлано. Но, съ увеличеніемъ площади обрабатываемой земли уменьшалась бы конкурренція арендаторовъ, повысился бы поземельный доходъ страны, но не доходы лордовъ; поэтому эти послѣдніе не видятъ никакой выгоды для себя въ превращеніи пустошей и топей въ плодородныя поля. Совершенно иная судьба выпала бы на долю Ирландіи, если бы вся земля не принадлежала немногимъ и если бы конкурренція не заставляла, ирландцевъ отдавать этимъ немногимъ владѣльцамъ все вырабатываемое ими, за исключеніемъ развѣ запаса картофеля, необходимаго для поддержанія своего существованія. Это-то обстоятельство, а не перенаселенность, является причиной ирландской нищеты! О томъ, какъ деморализующе дѣйствовала въ Ирландіи свободная конкурренція, свидѣтельствуетъ отчетъ Реванса, секретаря комиссіи, подготовлявшей ирландскій законъ о бѣдныхъ. «Объ ирландскихъ крестьянахъ—гласитъ отчетъ—можно съ увѣренностью сказать, что каждая семья, не обладающая достаточнымъ для своего пропитанія количествомъ земли, должна одного или нѣсколькихъ своихъ членовъ содержать нищенствомъ. Легко понять, поэтому, что сельское населеніе прилагаетъ всѣ усилія къ тому, чтобы арендовать маленькіе участки земли, и при предложеніи арендной цѣны руководится не плодородностью земли или возможностью уплатить ренту, но предлагаетъ столько, сколько надѣется получить отъ земли, лишь бы только имѣть аренду. Почти всѣ они безъ исключенія не въ состояніи заплатить арендной платы и поэтому почти тотчасъ же по заключеніи арендnаго договора должаютъ своимъ помѣщикамъ. *Подъ именемъ аренды они платятъ весь доходъ отъ земли за исключеніемъ достаточнаго для ихъ существованія запаса картофеля*, но, такъ какъ доходъ этотъ рѣдко покрываетъ аренду, задолженность арендатора постоянно растетъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ наибольшій доходъ земли, который когда-либо давалъ земельный участокъ, наибольшій доходъ, который могъ бы быть полученъ при ихъ системѣ обработки

земли въ самомъ урожайномъ году, все же не покрылъ бы аренды. Поэтому, если бы крестьянинъ исполнялъ свои обязательства передъ землевладѣльцемъ, что онъ рѣдко въ состояніи сдѣлать, то это значило бы совершенно даромъ обрабатывать землю и при этомъ еще платить помѣщику премію за одно разрѣшеніе обрабатывать. Рыбаки и работающіе въ сѣверныхъ графствахъ ткачи платятъ дѣйствительно часто аренду, превышающую всю доходность арендуемой ими земли. Можно подумать, что для нихъ было бы лучше при такихъ условіяхъ совсѣмъ не арендовать земли, но рыболовство въ теченіе одной—двухъ недѣль можетъ быть безуспѣшнымъ, можетъ также отсутствовать спросъ на произведенія ткацкаго станка, и тогда, если бы у нихъ не было земли, на которой растетъ ихъ пища, они должны были бы умереть съ голода. Крестьянинъ постоянно остается въ долгу у землевладѣльца. Его ничтожное имущество —жалкая одежда его самого и его семьи, два—три стула, немного кухонной утвари—это все, что есть въ его убогой хижинѣ, и при продажѣ это не покрыло бы наличный и непрерывно растущій его долгъ. Задолженность крестьянъ обыкновенно равна годичной арендной платѣ, и оправданіемъ того, что онъ не платитъ долга—служитъ его крайняя бѣдность. Если въ иной годъ арендованный участокъ земли принесетъ большій доходъ, чѣмъ обыкновенно или, если крестьянинъ, благодаря какому-нибудь случаю, пріобрѣтетъ какое-либо имущество—онъ не можетъ улучшить условій своей жизни: онъ не можетъ улучшить или увеличить свое питаніе, увеличить свою домашнюю утварь, сдѣлать лучшее платье своей женѣ и дѣтямъ. Все пріобрѣтенное имъ—онъ долженъ предоставить тому, у кого онъ арендовалъ землю. Случайный большій доходъ даетъ ему лишь возможность уменьшить свой арендный долгъ, и, такимъ образомъ, отсрочить свое вѣроятное изгнаніе. Большаго онъ не можетъ ожидать».

Какъ примѣръ того, до какой невѣроятной высоты поднимаетъ иногда «бѣшеная» конкурренція нормальную

арендную плату, Милль приводитъ фактъ, взятый имъ изъ свидѣтельскихъ показаній, данныхъ передъ коммиссіей лорда Девонса. Бэрли, правительственный чиновникъ въ Керри, показалъ: «Я зналъ человѣка, рѣшившаго предложить за хорошо мнѣ извѣстный участокъ земли—50 ф. стерл. годовой аренды; и я видѣлъ самъ, что конкурренція настолько подняла аренду, что тотъ же самый человѣкъ взялъ землю за 450 (!) фунт. стерл. аренды въ годъ».

Весьма остроуменъ способъ, при помощи котораго у рабочаго ухитряются оттянуть частицу его ничтожной заработной платы. Система Конакра, подобная Truck-system*), но болѣе эксплуатирующая рабочихъ, очень распространена въ Ирландіи. Рабочаго надѣляютъ парцеллой земли только для одной жатвы, при чемъ аренду онъ платитъ отработкой, «Выплачиваемая такимъ образомъ аренда иногда въ 4—8 разъ превышаетъ обыкновенную (отъ 7 до 15 фунт. стерлинговъ за акр.)» Большинство свѣдущихъ людей согласны въ томъ, что одно введеніе денежнаго разсчета, вмѣсто этой системы заработной платы—въ этой странѣ картофеля было бы большимъ прогресссмъ.

Улучшеніе земли и веденіе болѣе раціональнаго хозяйства при такихъ условіяхъ, конечно, невозможны. Ни помѣщикъ, ни миддльменъ не затратятъ капитала на меліораціи, доходъ отъ которыхъ не достался бы ни тому ни другому. Помѣщикъ вообще мало заботится о своемъ имѣніи, котораго онъ годами не видитъ; онъ доволенъ, что миддльменъ снимаетъ съ него эту заботу; у этого же послѣдняго только одна цѣль: елико возможно эксплуатировать и обманывать лорда и арендатора. Въ своей «Національной Экономіи Сельскаго хозяйства» Рошеръ, касается сельского хозяйства Ирландіи и приводитъ примѣры дѣяній этихъ господъ. Уэкфильдъ разсказываетъ объ одномъ

---

*) Truck-system—система оплаты труда натурой, предметами непосредственнаго потребленія, иногда продуктами—выработанными самими рабочими. *Прим. переводчика.*

землевладѣльцѣ, который взялъ взаймы у своего миддльмена 20.000 фунт. стерл. и на вопросъ послѣдняго, какъ онъ долженъ вести хозяйство, получилъ отвѣтъ: «поступайте какъ знаете». Какую пользу можетъ принести при такихъ условіяхъ даже пожизненная или 31-лѣтняя аренда, часто заключаемая теперь? Часто большая часть аренды выплачивалась въ видѣ подарковъ женѣ, дѣтямъ, любовницамъ помѣщика.

Бывали случаи, когда миддльменъ участокъ земли въ 400 акровъ отдавалъ въ аренду 600 самостоятельнымъ арендаторамъ. Если миддльменъ обанкротится — землевладѣлецъ (до 1826 г.) имѣлъ право удержать за собою всю жатву пересъемщиковъ, *хотя бы они и заплатили миддльмену всю арендную плату*. Эта шаткость положенія, конечно, возрастала вмѣстѣ съ числомъ лицъ, стоявшихъ между собственниками и земледѣльцами, поэтому А. Юнгъ называетъ миддльменовъ самымъ ужаснымъ типомъ тирановъ, которые когда-либо разоряли страну. «Освободитель» О'Коннелль, какъ миддльменъ (посредникъ) получалъ отъ своихъ крестьянъ въ три раза больше, чѣмъ платилъ помѣщику.

Арендатору, конечно, меньше всего было резона производить улучшенія: всякое увеличеніе дохода приносило пользу не ему, а миддльмену и помѣщику. Къ мелліораціямъ онъ былъ менѣе всего склоненъ, такъ какъ землевладѣлецъ могъ прогнать его въ каждый данный моментъ по своему произволу, не возвративъ стоимости улучшеній. Такъ было до 1870 г., когда былъ изданъ Landlord and Tenent Act, ограничившій эту «свободу». Послѣ 1870 г. изъ 682.237 арендаторовъ 526.539 по прежнему были предоставлены этому произволу. Если къ этому прибавить еще бѣдность арендаторовъ, благодаря которой они вынуждены работать безъ оборотнаго капитала, ихъ невѣжество и тупоуміе, какъ результатъ такъ долго тяготѣвшаго надъ ними гнета,—то не слѣдуетъ удивляться тому, что обработка земли въ Ирландіи нахо-

дится въ примитивномъ состояніи. «О плодоперемѣнной системѣ, разведеніи корнеплодовъ, клевера и т. д.,—говоритъ Roscher въ 1845 г.—могла быть рѣчь только у крупныхъ хозяевъ, хозяйства которыхъ находились противъ англійскаго берега; въ другихъ же мѣстахъ нѣсколько лѣтъ подрядъ разводили картофель, потомъ нѣсколько лѣтъ подрядъ овесъ, пока почва не истощалась совершенно; затѣмъ нѣкоторое время она отдыхала, покрывалась сперва бурьяномъ, затѣмъ травою, приготовляясь такимъ образомъ къ повторенію той-же «пытки». Инвентарь находился въ самомъ плачевномъ состояніи; еще недавно плохіе плуги трєбовали 4-хъ и болѣе лошадей и 3—4-хъ человѣкъ, телѣги вмѣсто колесъ двигались на полозьяхъ, сбруя была изъ соломы, и еще въ 1810 г. животныхъ иногда запрягали въ плугъ, привязывая за хвостъ*). Во многихъ мѣстахъ ригъ совсѣмъ не существовало, и хлѣбъ молотили на улицѣ».

Такимъ образомъ аренда, дающая возможность въ Англіи стать земледѣльцу состоятельнымъ человѣкомъ, въ Ирландіи едва обезпечивала его отъ самой крайней нужды. Причина того, почему трудъ въ Ирландіи такъ не продуктивенъ, почему такъ незначительны его результаты, главнымъ образомъ должна быть приписана тому обстоятельству, что, благодаря постояннымъ конфискаціямъ, земля перешла въ руки немногихъ лицъ. Непроизводительность ирландскаго труда обусловливается также невѣжествомъ, индифферентностью ирландцевъ, естественнымъ послѣдствіемъ бѣдности и долго продожавшагося тяжелаго гнета. Изъ того немногаго, что даетъ арендатору его трудъ, лишь меньшая часть остается въ его рукахъ, большую-же—онъ долженъ отдать землевладѣльцу. Раньше его заставляли это дѣлать, теперь-же не приходится при-

*) Хотя еще въ 1834 году, когда, очевидно, эта „запряжка“ была очень распространена—она была запрещена парламентскимъ актомъ. См. E. Perels „Ueber die Bedeutung des Maschinenwesen für die Landwirthschaft“. 1867. 9.

бѣгать къ насилію, все совершается съ помощью конкуренціи. Слишкомъ много появилось желающихъ снять землю въ аренду! Однако очень ошибся бы тотъ, кто заключилъ бы отсюда, что это вызвано чрезмѣрно увеличившимся спросомъ на землю, перенаселеніемъ страны. Земли достаточно, чтобы удовлетворить спросъ, но искусственно уменьшеное предложеніе земли, потому что вся Ирландія принадлежитъ нѣсколькимъ лицамъ...

Бѣдность Ирландіи не является слѣдствіемъ избытка потребителей, потому что такого избытка въ Ирландіи не существуетъ. Она явилась слѣдствіемъ порядка вещей, искусственно созданнаго завоеваніемъ. Соціальныя отношенія Ирландіи, созданныя ея историческимъ развитіемъ, въ особенности неограниченная частная собственность немногихъ лицъ на землю—вотъ истинныя причины ирландской нищеты. Поэтому ирландцу нечего пѣсть, поэтому онъ голодаетъ, въ то время какъ Ирландія вывозитъ жизненные припасы.

Ясно, что прославленное англійскими политиками и экономистами средство—выселеніе ирландцевъ изъ Ирландіи—не поможетъ, да и не можетъ помочь противъ этихъ золъ, хотя за 30 лѣтъ населеніе Ирландіи уменьшилось на 3 милліона, тѣмъ не менѣе положеніе народа не улучшилось, какъ полагаютъ, а ухудшилось. Площадь картофельныхъ полей въ 1858 г. занимала еще 1.159.707 акровъ, а въ 1873 г. она уменьшилась до 903.282 акровъ, въ тотъ же промежутокъ времени площадь, засѣянная зерновыми хлѣбами, сократилась съ 2.786,828 акровъ до 1.936.824. Годовая стоимость продуктовъ земледѣлія въ 1856—59 гг. въ среднемъ равнялась 39.437.000 ф. стерлинговъ, въ 1861 г. она упала до 34.896,000, въ 1861—62 до 20.770.000, въ 1862—63 гг. до 27.327.000 ф. стерлинговъ.

Эмиграція стало быть оказалась негоднымъ средствомъ для борьбы съ ирландской нуждой. То, что англійскіе государственные мужи рекомендуютъ ее прежде всего, —понятно потому, что она не требуетъ никакихъ жертвъ

ни отъ государства, ни отъ господствующихъ классовъ.

Но съ другой стороны можно-ли ожидать успѣха отъ средствъ предложенныхъ и испытанныхъ самими ирландцами. Мы выше видѣли, какъ ирландскій народъ отъ времени до времени, соединившись въ тайные союзы въ родѣ Гуайтбоевъ и другихъ, возставалъ противъ своихъ угнетателей; но такъ какъ эти союзы не имѣли никакой политической или соціальной программы, такъ какъ они возникали для борьбы съ временной нуждой и вмѣстѣ съ ней исчезали, они не могли привести ни къ какимъ серьезнымъ послѣдствіямъ.

Но на ряду съ этими возстаніями, съ начала прошлаго вѣка возникаетъ политическое движеніе, опиравшееся на арендаторовъ и рабочихъ, и руководимое собственниками, какъ это бывало и въ другихъ странахъ. Понятно, это законное парламентское движеніе не ставило себѣ другихъ цѣлей помимо предоставленія владѣтельнымъ католикамъ тѣхъ же правъ, которыми обладали владѣтельные протестанты. Насколько при этомъ принимались во вниманіе интересы народа, можно судить по личности главы этого движенія, О'Коннеля, адвоката, о дѣятельности котораго какъ миддльмена мы уже упоминали и который за свою дѣятельность въ качествѣ борца за свободу получалъ довольно приличное вознагражденіе, собранное отъ бѣдствующаго народа путемъ національной подписки. Ежегодно этотъ господинъ получалъ кругленькую сумму, такъ напр. въ 1831 г. онъ получилъ 26.000 фунт. стерл., въ 1832 г. «только» 12.533 фунта стерлинг. (поразительно мало), въ 1833—13.908 фун. стерл. въ 1835 г.—20.189 и т. д.

Самою важною уступкой, къ которой онъ принудилъ англійское правительство своею агитаціей — была законодательная эмансипація католиковъ, даровавшая имъ право засѣдать въ парламентахъ и занимать всѣ должности въ общественныхъ учрежденіяхъ за исключеніемъ должности лорда-канцлера. Какъ тѣмъ такъ и другимъ пра-

вомъ могли воспользоваться только владѣтельные ирландцы: первымъ—благодаря высокому избирательному цензу,— вторымъ—потому что, при жалкомъ положеніи ирландскихъ школъ, только дѣти состоятельныхъ ирландцевъ могли пріобрѣтать знанія, необходимыя для отправленія должностей.

Столь же мало, какъ и эта побѣда, облегчило бы положеніе ирландскихъ фермеровъ и уничтоженіе уніи соединявшей Англію съ Ирландіей, котораго добивалась основанная О'Конеллемъ Repeal Association. Но давно извѣстно, что народъ въ достиженіи національной независимости видитъ такой вѣрный выходъ изъ своего тяжелаго экономическаго положенія, что у него и не зарождаются сомнѣнія относительно своихъ «избавителей». Поэтому не цѣли О'Конелля, создали ему среди его соотечественниковъ оппозицію, а его тактика, то, что онъ всегда оставался на почвѣ закона. «Молодая Ирландія» возникшая послѣ его смерти, послѣдовавшей въ 1847 г., получила перевѣсъ надъ сторонникамм умѣреннаго направленія. Благодаря возбужденію, вызванному ужаснымъ голодомъ и событіями 1848 года, это радикальное направленіе, агитировавшее за насильственный разрывъ уніи съ Англіей, распространялось все болѣе и болѣе, народныя массы вооружались и обучались владѣть оружіемъ. Но кончилось все это тѣмъ же, чѣмъ всегда кончалось въ Ирландіи: правительство употребило силу раньше, чѣмъ созрѣло возстаніе, и достаточно было первого пораженія, чтобы задушить все движеніе.

Часть ирландцевъ отчаялась въ возможности когда-либо добиться сноснаго существованія въ Ирландіи, и началось массовое выселеніе въ Америку. Но многіе переселялись съ мечтою возвратиться въ подходящій моментъ, извнѣ подготовивъ революцію въ своей родинѣ. Это стремленіе породило возникновеніе въ 1861 г. въ Соединенныхъ Штатахъ Союза Феніевъ. Этотъ тайный союзъ быстро окрѣпъ, вскорѣ создалъ свои развѣтвленія въ Ирлан-

діи и даже въ Англіи и вербовалъ своихъ членовъ даже въ средѣ чиновниковъ и въ арміи. Союзъ могъ бы стать опаснымъ, если бы англійское правительство и на этотъ разъ не было освѣдомлено шпіонами и не приняло бы самыхъ энергичныхъ мѣръ, бывшихъ въ его власти, раньше, чѣмъ приготовленія заговорщиковъ были закончены. Тѣмъ не менѣе феніанское движеніе не осталось безрезультатнымъ. Вслѣдствіе арестовъ и осужденій феніевъ по обѣ стороны канала Св. Георгія всѣ ирландцы были крайне раздражены. Къ этому присоединилось еще то, что руководители союза находились не въ Ирландіи, а въ Америкѣ и были поэтому внѣ власти англійскаго правительства. Если они не могли создать всеобщаго движенія, то своими смѣлыми ударами сумѣли привести въ ужасъ англійскую публику и довести возбужденіе ирландцевъ до угрожающаго состоянія. Тогдашнее министерство Дизраэли не знало никакихъ другихъ средствъ для подавленія народнаго возмущенія, кромѣ полиціи. Но такъ какъ дѣятельность полиціи оказалась безуспѣшной, и въ то же время опасались симпатіи ирландцамъ со стороны англійскихъ рабочихъ союзовъ, то всеобщій страхъ овладѣлъ всѣми власть имущими и раздался всеобщій крикъ въ пользу ирландскихъ реформъ, которымъ Гладстонъ умѣло воспользовался, какъ лозунгомъ. Нежеланіе провести эти реформы послужило тогда причиной паденія министерства Дизраэли, мѣсто котораго заняло министерство Гладстона (2 декабря 1868 г.). Это министерство провело ирландскія реформы и парализовало этимъ жизненный нервъ феніанизма, который съ этого времени зачахъ и уступилъ мѣсто новой легальной партіи—Гомрулеровъ. Но какъ ничтожны были уступки, сдѣланныя Ирландіи. Въ 1869 г. былъ принятъ ирландскій церковный билль, согласно которому имущество англиканской церкви, награбленное у ирландскаго народа, должно было быть секуляризовано при чемъ епископальному духовенству «въ вознагражденіе» была обезпечена рента соотвѣтствовавшая капиталу почти въ 5.000.000 ф.

стерл. Если прибавить сюда еще и другіе доходы, то изъ 16 милліоновъ—девять было оставлено на долю англиканскаго духовенства, хотя въ католической Ирландіи у него было слишкомъ мало дѣла. Остатокъ въ 7 милліоновъ ф. стерл. долженъ былъ быть употребленъ на постройку больницъ, исправительныхъ заведеній для малолѣтнихъ преступниковъ и т. д. Ясно, что все это ничуть не помогло ирландскому народу. Но мѣра эта очень хитро была придумана: тѣмъ, что англиканская церковь перестала быть государственной, было удовлетворено католическое духовенство и изъ противо-правительственнаго агитатора оно стало сторонникомъ порядка, каковымъ и засвидѣтельствовало себя въ критическое время.

Сперва состоятельные классы добились удовлетворенія своихъ требованій, теперь было удовлетворено католическое духовенство; и неужели ирландскій арендаторъ, рабочій, исключительно благодаря помощи котораго, все это было достигнуто, могъ остаться неудовлетвореннымъ? Нѣтъ, и ему либеральное министерство подало милостыню въ видѣ ирландскаго земельнаго билля, который долженствовалъ возвратить Ирландіи миръ и спокойствіе и начать новую эру; такъ говорилъ по крайней мѣрѣ Гладстонъ. Въ чемъ же заключалась эта «радикальная» реформа? Она прочно устанавливала, что землевладѣлецъ не имѣетъ права эксплуатировать арендатора по своему произволу, какъ это было прежде, но онъ долженъ имѣть для этого законное основаніе. Итакъ теперь арендаторъ могъ быть выгнанъ только на основаніи закона. Причины выселенія не были устранены, но только подведены подъ параграфъ; арендные договоры были дѣйствительны только до тѣхъ поръ, пока арендаторъ платилъ ренту, а такъ какъ конкуренція арендаторовъ, которая, конечно, должна была остаться неприкосновенной, всегда настолько повышала аренду, что арендаторъ дѣлался должникомъ собственника тотчасъ по заключеніи договора—то по прежнему почти каждый арендаторъ могъ быть изгнанъ. Но *законъ* для защиты арен-

датора все-же былъ изданъ!

Къ сожалѣнію арендаторъ такъ упрямъ, что не хочетъ видѣть пользы подобнаго «закона» и требуетъ дѣйствительной реформы имущественныхъ отношеній Ирландіи. Эту цѣль и ставитъ себѣ современное аграрное движеніе въ Ирландіи. Если ему суждено быть болѣе продолжительнымъ, чѣмъ бывшіе до сихъ поръ голодные бунты, исчезавшіе вмѣстѣ съ самою крайнею нуждой, если оно будетъ достаточно сильно, чтобы перерасти партію гомрулеровъ, которые не ставятъ себѣ другой цѣли, кромѣ самостоятельнаго парламентскаго управленія Ирландіи, то нужно ожидать, что Ирландія и даже Великобританія будутъ охвачены грандіознымъ движеніемъ. Какой характеръ будетъ имѣть это движеніе, будетъ-ли ирландскій вопросъ снова камнемъ преткновенія для министерства Дизраэли, возникнетъ-ли снова, благодаря требованію ирландскихъ реформъ, министерство Гладстона, будетъ-ли ирландское движеніе играть роль при разрѣшеніи восточнаго вопроса, разрѣшить теперь всѣ эти вопросы могъ бы развѣ лишь очень смѣлый политикъ.

Съ полнымъ основаніемъ можно сомнѣваться въ томъ, что ирландскій народъ дошелъ до конца своихъ страданій; вѣрно лишь то, что теперь требуя реформъ имущественныхъ отношеній, онъ стоитъ на единственно правильномъ пути, который выведетъ его изъ трясины нищеты. Изъ всего предыдущаго ясно, почему ирландскій народъ бѣдствуетъ: у него отняли его землю, и онъ не можетъ выйти изъ нищеты, пока ему не возвратятъ ее. Могутъ быть разныя мнѣнія относительно того, какимъ образомъ должно быть совершено это возвращеніе земли. Путемъ-ли экспропріаціи или выкупа? Можно быть также различнаго мнѣнія относительно того, должна-ли быть земля возвращена народу, какъ цѣлому, которому она прежде принадлежала или она должна быть распредѣлена между отдѣльными арендаторами, которымъ она никогда не принадлежала, или, наконецъ, можетъ быть для арендаторовъ

было бы выгоднѣй изъ арендаторовъ частныхъ земель стать арендаторами земель государственныхъ, либо превратиться въ собственниковъ земли, воспользовавшись всѣми выгодами частнаго владѣнія, но также и испытавъ на себѣ всѣ невыгоды его для людей безъ средствъ, каковыми являются почти всѣ ирландскіе арендаторы. Обо всемъ этомъ можно спорить, но для безпристрастнаго наблюдателя является неоспоримымъ то, что только путемъ радикальной реформы поземельныхъ имущественныхъ отношеній можно разрѣшить или, по крайней мѣрѣ сдѣлать возможнымъ разрѣшеніе ирландскаго вопроса, даже больше—только эта реформа и разрѣшитъ его.

Опечатка: на страницѣ 14 строка 21 напечатано—...въ октябрѣ 1846 г.
„ „ „ „ слѣдуетъ читать „ „ 1646 г.